

Ирена Сътник

16+

ЖЕНСКИЕ ПЕЧАЛИ И РАДОСТИ

Ирена Р. Сытник
Женские печали и радости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36332669

SelfPub; 2018

Аннотация

Что сильнее: обязательства или любовь? Кого выбрать: холодного красавца или нежное чудовище? Героиня пройдёт долгий путь, насыщенный событиями и приключениями, чтобы предстать перед самым трудным в её жизни выбором.

Содержание

Часть первая: «Невеста поневоле»	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	40
Часть вторая: «Строптивая жена»	48
Глава 1	48
Глава 2	52
Глава 3	60
Часть третья: «Любовь без принуждения»	66
Глава 1	66
Глава 2	76
Глава 3	86
Глава 4	96
Глава 5	103
Глава 6	116

Картинки взяты с сайта:

https://pixabay.com/p-2424180/?no_redirect

https://pixabay.com/p-2282726/?no_redirect

CC0 Creative Commons

Бесплатно для коммерческого использования

Указание авторства не требуется

Обложка создана на сайте:

<https://www.canva.com/design/DAC9uKIkXjw/>

[g2mEJmvLezqpATy4OI1r1g/edit](https://www.canva.com/design/DAC9uKIkXjw/g2mEJmvLezqpATy4OI1r1g/edit)

Часть первая: «Невеста поневоле»

Глава 1

Узкая извилистая долина вилась между двумя склонами покрытых лесом гор и упиралась в склон третьей, на крутой и обрывистой вершине которой высился грубый, мощный и неприступный замок горного барона Хаскетта. Он царил над этой затерянной среди диких гор Ледеберга лощиной в прямом и переносном смысле этого слова. Небольшое селение, расположившееся в центре долины, на берегу быстрой реки, шумным водопадом спадающей с горы, принадлежало тому же Хаскетту, и в нём жили воины его дружины со своими жёнами, домочадцами и слугами. Вход в дол был неприступен, так как проходил по узкому ущелью, которое охранял круглосуточный пост дозорных.

Старый барон Хаскетт умер несколько лет назад от полученных в бою ран, и долиной правили его сын Амарис Хаскетт и вдова баронесса Амалия.

Баронесса была женщиной строгой, даже жёсткой, и держала подданных твёрдой рукой. Амарис, несмотря на далеко не юный возраст, в дела хозяйства не вникал, предпочитая им охоту и разбойные набеги. Вылазки на Торговый путь, проходящий из Кламара в Медаус, и Тропу Речников, иду-

щую от Торгового пути в Илларию, он совершал регулярно, и никогда не возвращался без добычи. Свободное от набегов время молодой барон посвящал охоте в окрестных лесах или уходил далеко в Ледеберг, откуда привозил юных пленниц-варварок для пополнения своего и так немалого гарема. Глядя на сына, баронесса лишь сокрушённо качала головой и недовольно поджимала губы.

Но вот однажды, в один из особенно холодных зимних дней, баронесса простудилась и слегла с лихорадкой. Болезнь протекала не очень тяжело, но хитрая женщина решила воспользоваться подходящим случаем, чтобы повлиять на сына, преследуя свои желания. Она притворилась, чуть ли не умирающей, и позвала сына к своему ложу. Амарис тот час явился, слегка обеспокоенный, но, как всегда, самоуверенный.

– Сын мой... – слабым голосом произнесла баронесса. – Я чувствую, что близится мой смертный час... – Амарис беспокойно переступил с ноги на ногу и хотел что-то сказать, но мать остановила его повелительным взмахом руки. – Нет, я не собираюсь умирать сегодня или завтра, но на всё воля богов... Эта болезнь всерьез подкосила меня... Я не боюсь смерти, но меня беспокоит то, что, когда меня не станет, замок останется без хозяйки. Тебе уже тридцать пять, Амарис, пора подумать о супруге и госпоже «Башни Ветров», – так Хаскетты называли свой замок. – Я заклинаю тебя, сын мой, бросить свои забавы и отправиться на поиски невесты.

По традиции, ты должен похитить её у родителей и привезти в замок силой, как поступали твои предки, как сделал твой отец...

Правда, баронесса умолчала, что ранее её родители и родители барона Хаскетта договорились об этом похищении, так как Амалия тоже дочь горного барона. К сожалению, у ближайших соседей и тех, с кем они жили в дружбе, не нашлось подходящих дочерей, а то бы Амалия поступила так же. Поэтому Амарису придётся последовать примеру деда и прадеда – украсть невесту вне среды горных баронов. Ней может стать любая девушка, если она соответствует неписаному правилу: она не должна быть рабыней или падшей женщиной. Конечно, было бы хорошо, если бы невеста оказалась дочерью благородных родителей, или даже аристократкой, но это не обязательно. Да Амалия и не обрадовалась бы такой невестке, понимая, что, выросшая в роскоши и неге цивилизации избалованная девица, вряд ли привыкнет к суровому быту горных баронов, и, скорее всего, зачахнет, как нежный комнатный цветок, высаженный в открытый грунт холодной весной. Амалия предпочла бы крепкую здоровую выносливую девушку с дороги – дочь мелкого купца или стражника, привыкшую к путешествиям с отцом. Такие девушки, обычно, здоровы телом и духом, и недолго предаются печали, попав в Башню Невест, вскоре смиряются и становятся хорошими жёнами.

Но – судьбе не прикажешь. Когда холостой барон выходит

на охоту за невестой – тут уж как повезёт. Иногда ему сразу встречается подходящая девушка, а иногда поиски заводят его в Медаус или Илларию, или Кламар, и тогда он выбирает «домашнюю» невесту, которая тяжело приживается в стенах горной крепости.

Всё это знал и Амарис. Он также понимал, что мать давно желает видеть его женатым, но сам пока не стремился обзаводиться супругой. Супружество накладывает определённые обязательства, а ему нравилась его вольная независимая жизнь. К тому же, ему хватало придирок матери, поэтому он и не желал видеть в своём доме ещё одну «хозяйку».

Видя, что сын недовольно кривится и хочет возразить, и наизусть зная все его возражения, баронесса вновь остановила его жестом и продолжила:

– Не спорь со мной, сын мой. Время наших споров прошло. Воля умирающей – закон. Ступай же и не медли, если хочешь успеть получить моё благословение.

Амарис горестно вздохнул, поняв, что на этот раз ему не отвертеться, пожелал матушке скорейшего и неперемного выздоровления, и покинул её опочивальню.

Несколько дней он откладывал путешествие, хотя понимал, что избежать его не сможет, затем, в один из тёплых ясных солнечных дней, позвав двух ближайших друзей, оставил замок и направился в сторону Торгового пути.

Целый день они потратили на дорогу и поиски большого обоза, в которых часто встречались путешествующие жен-

щины. К счастью, им в этот день повезло. Вечером, случайно, наткнулись на стоянку такого обоза. Он хорошо охранялся, но это не остановило охотников. Они были жителями Ледеберга и называли себя «горными волками», было бы стыдно не суметь незаметно прокрасться сквозь охрану и похитить слабую беззащитную женщину. Чем больше трудностей встречалось на пути, тем большая честь и слава доставалась охотникам по возвращении.

Глава 2

Элайна – дочь капитана Олайна, в молодости королевского стрелка, гонявшего вальдо (лесных разбойников) в лесах Иллари, а затем возглавившего отряд сопровождения королевских обозов. Он проводил их в Кламар, Медаус и обратно с минимальными потерями, и считался опытным и умелым военачальником. Уже будучи в возрасте, капитан встретил красивую девушку-виолку, прибывшую в Илларию в поисках приключений и службы. Виолки – каста женщин-воинов с далёкого, затерянного в океанских просторах острова, где они служат королевскими телохранителями.

Избыток выученных с младенчества воительниц время от времени покидал родину и отправлялся в далёкие страны, где их с удовольствием брали на службу короли, аристократы и богатые вельможи, так как услуги этих умелых профессионалок стоили довольно дорого.

Юной семнадцатилетней девушке понравился высокий, стройный, мужественный и храбрый воин Олайн, несмотря на почти двадцатилетнюю разницу в возрасте. И она, по обычаям предков, выбрала его в супруги, а через три года родила дочь. Девочку, опять же по обычаям своего племени, она воспитывала в воинском духе: растила в строгой дисциплине, отучая от свойственной многим детям боязливости и изнеженности. Она учила её стойко переносить боль, холод,

усталость, одиночество и преодолевать страх. Обучала своему воинскому мастерству, без утайки передавая виольские знания и секреты. Глядя, как жена «издевается» над девочкой, часами заставляя неподвижно сидеть или стоять, или запирая в тёмном подвале, куда предварительно запускали с полдесятка крыс, Олайн возмущался. Но супруга на все упрёки спокойно отвечала, что её дочь – виолка, и она воспитывает её так, как воспитывали её саму. К счастью, капитан часто и подолгу отсутствовал дома, и не мог видеть иных «ужасов» и испытаний, которым подвергала дочь супруга.

Эти постоянные отлучки, а также возраст стареющего супруга, подтолкнули виолку найти себе другого мужчину, к которому она и ушла со спокойной совестью, опять же, по обычаям своих предков. Вначале Элайна последовала за матерью. Но как только ей исполнилось шестнадцать лет и она, по законам виолок, стала совершеннолетней, как только она сдала матери своеобразный экзамен на зрелость, о котором впоследствии старалась не вспоминать, девушка вернулась к отцу, которого любила сильнее, чем мать, из-за его более человеческого и доброго отношения.

Так они и жили вдвоём в маленьком домике на окраине Клера, пока девушке не исполнилось восемнадцать, и она не посчитала себя вполне взрослой, чтобы начать сопровождать отца в походах.

Год прошёл в постоянных разъездах с небольшими перерывами во время месяца Бурь, а также месяца Весенних и

Летних Гроз. Этой зимой, как только закончился месяц Бурь и начался двухмесячный Период Покоя, капитан Олайн, с дочерью, вновь возглавив отряд сопровождения, повёл обоз по Кламарскому тракту сначала до Таормина, а затем в Медаус по Торговому Пути.

Часть маршрута, пока они двигались по территории герцогства Кламар, прошла спокойно. По сторонам широкой дороги простирались открытые поля, засеянные зерновыми и засаженные овощами. Разбойники редко встречались в этих краях, не считая одиночек или особо отчаянных, которые нападали на крестьянские повозки или одиноких путников. Большие королевские обозы под охраной многочисленной, хорошо обученной стражи, были им не по зубам. На караван не рисковали нападать даже вальдо или горные бароны.

Когда обоз углубился в Ледеберг и остановился на очередную ночную стоянку, Элайна, целый день просидевшая в седле, устало спрыгнула на землю и решила искупаться в ручье, на берегу которого расположился лагерь.

Выйдя за внутреннюю цепь охраны, девушка поднялась вверх по течению, нашла тихое укромное местечко и разделась. Холодной воды она не боялась, привыкла ещё в раннем детстве, благодаря виольскому воспитанию. Быстро ополоснувшись, Элайна вышла на берег, растёрлась жёстким полотенцем и набросила на голое тело успевшую остыть рубашку.

Усталость, купание в холодной воде, а также обманчивая

тишина вокруг и спокойный, прошедший без приключений день, притупили бдительность, расслабили, поэтому она и не услышала подкрадывавшихся охотников. Она как раз нагнулась за штанами, как на голову, неожиданно, набросили плотный мешок и повалили на землю, а сильные руки схватили и в мгновение скрутили запястья кожаным ремнём. То же проделали и с ногами. Затем чья-то рука просунулась под мешок и заткнула кляпом рот. Всё это произошло в несколько коротких мгновений, так, что девушка даже не успела испугаться или осознать, что происходит. Её подняли, перебросили через плечо и понесли. Элайна поняла, что её похитили, только тогда, когда её закутали в тёплый плащ и положили на седло.

Девушка не стала брыкаться или рыдать, как поступила бы на её месте другая, а спокойно лежала в не очень удобной позе, задыхаясь от запаха конского пота, стараясь сберечь силы, которые ей, как она понимала, скоро пригодятся.

Лошадь, на которой лежала Элайна, сначала шла тихим шагом, а затем перешла на галоп, когда похитители, как поняла девушка, отъехали подальше от лагеря. Её трясло и подбрасывало, и, чтобы пленница не слетела, чья-то сильная рука придерживала её за талию.

Наконец, бешеная скачка прекратилась, лошадь вновь перешла на шаг, а затем и остановилась. Элайну подняли и посадили в нормальное положение. С головы сдёрнули мешок, и девушка смогла увидеть похитителей. Прямо перед ней

стояли два ухмыляющихся всадника в кожаных, отделанных мехом и перьями лесных птиц костюмах. По этим костюмам, а также кожаным шлемам, украшенным белоснежными хвостами лэев, девушка опознала манволов – «горных волков» – дружинников горного барона. Она слегка повернула голову и взглянула на того, в чьих сильных руках сейчас покоилась. Зрелый мужчина, не достигший сорока лет, с холодными серыми глазами, несколько суровыми, даже жёсткими. Сейчас они смотрели с любопытством, а твёрдые губы с выразительным рисунком слегка улыбались.

– А она хорошенькая, – произнёс мужчина по-илларийски. – Нам повезло.

– Да, просто красotka, – согласился один из товарищей.

– И хорошо держится, – одобрительно произнёс второй. – Не люблю, когда девки визжат, как недорезанные свиньи.

Элайна посмотрела на говоривших, и устало закрыла глаза. Она замёрзла, было трудно дышать, но она знала, что не стоит ждать сочувствия от «горных волков».

Словно догадавшись о неудобствах пленницы, мужчина, державший девушку, вынул кляп и сказал:

– Я больше не буду затыкать тебе рот, если будешь вести себя тихо. Лес не любит шума.

Элайна сделала несколько глубоких вдохов, проветривая лёгкие, и закрыла рот. Она не собиралась шуметь, понимая, что это бесполезно. Не собиралась ни о чём и просить, но мужчина сам снял тёплый, подбитый мехом плащ, и закутал

в него девушку.

– Нужно спешить, если не хотим ночевать в лесу, – сказал он.

Усадив пленницу поудобней, он пришпорил коня. Всадники вновь помчались галопом, но теперь пленница ехала более комфортно.

Дорога к замку показалась бесконечной. Невыносимо болели, а затем совсем онемели туго связанные руки и ноги, от тряски и езды в неудобной позе подташнивало, хотя мужчина, прижимавший её к широкой груди сильной уверенной рукой, и старался облегчить страдания, поддерживая за талию и почти усадив себе на колени.

Горы и лес уже окутали глубокие синие сумерки, когда они въехали в узкое тёмное ущелье. Усталые кони, покрытые потом и пеной, еле шли, спотыкаясь в темноте о невидимые камни. Всадники тоже устали, но радовались близости дома, тихо о чём-то переговариваясь.

Когда они выехали из ущелья в узкую, теряющуюся во мраке долину, чуть-чуть посветлело, что дало возможность рассмотреть светлую ленту дороги, вившуюся вдоль берега каменистой горной речки. Далеко впереди сверкала крошечная жёлтая звезда, и, лишь подъехав ближе, Элайна поняла, что это сигнальный огонь на одной из башен мрачного чёрного замка, возвышавшегося над долиной.

Сопровождавшие остались в селении, которое они проехали, а похититель и пленница начали подниматься по уз-

кой неверной дороге, одной стороной примыкавшей к крутому склону, а с другой обрывавшейся в долину.

Всадник ехал медленно и осторожно, всецело доверившись коню, бросив повод на его шею. Вокруг царил ночной мрак, слегка разбавляемый светом множества сияющих в небе звёзд.

Когда подъехали к замку, послышались грозные оклики стражи. Но, услышав голос всадника, ворота поспешно распахнули.

Во дворе к ним подбежали слуги, взяли повод коня и протянули руки к девушке. Но мужчина грубо оттолкнул их, сам взял девушку и спрыгнул на землю. Сапоги гулко ударились о плиты двора. Слуги отчего-то радостно болтали и смеялись, но их голоса доносились до Элайны, словно издалека.

Прижимая пленницу к груди, мужчина пересёк двор и вошёл в высокую узкую башню. Поднимаясь по ступеням крутой винтовой лестницы, он тяжело дышал, но ни на миг не остановился, чтобы передохнуть. За ним шёл кто-то из слуг, освещая путь огнём факела.

Они вошли в какую-то комнату, но не задержались в ней, а поднялись ещё на один уровень, на этот раз по резной деревянной лестнице. Оказавшись в большой круглой комнате, мужчина приблизился к стене, бесшумно ступая по мягкому ковру, и осторожно опустил свою ношу на меховое покрытие. Выпрямляясь, он с облегчением вздохнул, затем вынул из богатых золотых ножен длинный кинжал и осторож-

но разрезал путы, стягивавшие запястья и лодыжки девушки. Элайна не шевелилась. Но когда в онемевших конечностях запульсировала застоявшаяся кровь, с её губ сорвался невольный стон.

Мгновение постояв рядом, словно колеблясь, мужчина круто повернулся и ушёл. Слуга с факелом поспешил за ним следом, и девушка осталась одна в полной темноте.

Девушка медленно приходила в себя, ожидая, пока в ногах и руках восстановится кровообращение, и они начнут двигаться.

Но долго побыть в одиночестве ей не пришлось. Из дремотного оцепенения вывел громкий и мелодичный звон ударившего где-то над головой колокола, а через несколько минут послышались шаги, показался свет, и в комнату поднялись две пожилые рабыни. Одна несла накрытый салфеткой поднос, а вторая два подсвечника по три свечи в каждом. Поставив поднос и свечи на стол, женщины приблизились к ложу, опустили на колени и начали умело растирать руки и ноги. Затем помогли ей подняться и, поддерживая, подвели к столу. Усадив на покрытый меховой накидкой стул, открыли поднос и предложили поужинать. На подносе стояла тарель с фруктами, сладким печеньем, лакомством, сваренным из мёда и лесных орехов, и кувшинчик с лёгким сладким илларийским вином. Прислуживая девушке, словно принцессе, её накормили, а затем отвели обратно к ложу, предварительно расстеленному и приготовленному для сна. Уложили, за-

ботливо укрыли меховым покрывалом и оставили одну, забрав поднос и свечи. Один подсвечник, с единственной горящей свечой, ей, правда, оставили. Уходя, одна из женщин сказала:

– Я буду в нижней комнате, госпожа. Если понадобится – можете просто крикнуть. Меня зовут Мойна.

– Хорошо, – пробормотала Элайна. Ей сейчас хотелось только одного – спать, спать и спать. Она устало закрыла глаза, повернулась к стене и тут же провалилась в глубокий крепкий сон.

Глава 3

Несмотря на вечернюю усталость, Элайна проснулась рано. Рассветные лучи восходящего солнца едва проникли в восточное окно, высветившись на противоположной стене причудливым узором. Взглянув на окно, девушка увидела на нём ажурную решётку.

Элайна сладко потянулась и невольно поморщилась от боли во всём теле. Особенно болели опухшие запястья и лодыжки, на которых синели полосы от вчерашних пут.

В комнате царила утренняя прохлада, а под тёплым меховым одеялом было уютно и тепло, и девушка решила не вставать, пока её не вынудят к этому обстоятельства. К тому же, теперь ей некуда спешить. Она хотела вздремнуть ещё, но тревожные думы, заполонившие прелестную головку, не дали уснуть. То, что она попала в руки одного из горных баронов, девушка поняла ещё вчера, как только увидела пушистые хвостики лэев на кожаных шлемах похитителей. Но с какой целью её выкрали – вот в чём вопрос! Вряд ли с целью выкупа – она ведь не знатная дама. И не для забав – тогда её поместили бы не в эту уютную, прекрасно обставленную комнату, а в гарем, к остальным несчастным пленницам. Единственное, что приходило в голову, это шантаж. Наверное, кто-то из баронов, узнав, чья она дочь, решил таким образом склонить капитана Олайна к измене – заставить сдать

обоз на разграбление. Но они плохо знают капитана, если решились на такой глупый шаг. Девушка не сомневалась, что отец, скорее, пожертвует жизнью дочери, чем изменит своему долгу. А потом жестоко отомстит обидчикам, даже ценой собственной жизни.

Элайне невольно стало жаль старого отца. Она представила, как он сейчас мечется по горам, отыскивая следы похитителей, как, затем, ведёт обоз дальше, страдая от горя и невозможности спасти дочь, переживая и беспокоясь о её судьбе.

Не в силах больше лежать от волнения, девушка вскочила и подбежала к одному из окон, которые выходили на все четыре стороны света. Комната была круглой, так как располагалась на самом верху цилиндрической башни. Вид из окон открывался неутешительный: высокие стены крепости, громада замка и головокружительный отвесный обрыв. О побеге нечего было и думать. Даже если ей каким-то чудом и удастся вырваться из башни, как преодолеть эти неприступные стены, на которых стоят бдительные стражи? Как спуститься с отвесного обрыва? Как вырваться из замкнутой долины? Как отыскать дорогу домой, преодолев мрачные горы и леса Ледеберга, кишашие кровожадными хищниками и недружелюбными племенами варваров, где «горные волки» у себя дома, а она чужая в незнакомой стране?

«И всё же мне придётся это сделать, – с тоской подумала девушка. – Ради отца и ради себя. А если не получится – лучше убью себя, но не позволю этим негодьям использовать

меня для шантажа».

Приняв такое решение, Элайна немного успокоилась и вернулась в тёплую постель. Вскоре, согрившись, она задремала, но через некоторое время её разбудили тихие осторожные шаги. Открыв глаза, увидела одну из приходивших вчера рабынь. Кажется, эту звали Мойна.

Удостоверившись, что госпожа не спит, женщина приветливо улыбнулась:

– Доброе утро, госпожа. Извините, что разбудила, я старалась двигаться как можно тише. Но я такая неуклюжая!.. Желаете принять ванну?

– Не очень горячую, – согласилась девушка. – И если в замке есть лекарь, попроси у него мазь для снятия опухолей. – Она высунула из-под одеяла опухшую руку. Рабыня сокрушённо заахала и, пообещав немедленно сбегать к доктору, ушла.

Элайна продолжала нежиться в постели, прислушиваясь к звукам, доносившимся из нижней комнаты. Через какое-то время Мойна возвратилась и сообщила, что ванна готова.

Девушка спустилась и увидела, что нижнее помещение разделено плотным кожаным занавесом на две половины: меньшую – с лестницей и большую, где стояли бронзовая ванна, деревянная гардеробная и огороженная туалетная комната.

Элайна сбросила измятую рубашку и с удовольствием погрузилась в тёплую ароматную воду, отдавшись в заботливые

умелые руки служанок. После купания её растёрли мягкой простыней, после уложили на специальный столик и размяли всё тело, прогоняя из мышц боль и болезненную слабость. Ароматные масла, которые втирали в кожу, сделали её мягкой и бархатистой на ощупь, испускающей приятный аромат. А нанесённая на запястья и лодыжки мазь уняла боль и сняла покраснение. Через несколько часов исчезла и опухоль.

После массажа девушку провели в гардеробную, где переодели в новую красивую одежду, начиная от нижнего белья и кончая тёплой накидкой на плечи. Элайна редко носила платья, с детства приученная к полумужским-полувоенным костюмам виолок, а таких красивых нарядов, в который её облачили, отродясь не было. Вся одежда была пошита из ярких дорогих тканей и разукрашена вышивкой и мелким речным жемчугом.

Поднявшись наверх, Мойна усадила девушку перед столиком с большим полированным серебряным зеркалом, тщательно расчесала ещё влажные волосы и уложила в простую, но красивую причёску. Это не составило труда, потому что Элайна не носила длинных кос, а подстригалась коротко, чтобы за волосами легче ухаживать в условиях похода. К тому же, от природы они завивались в крупные красивые локоны. Достаточно аккуратно их зачесать, кое-где подколоть – и причёска готова. Напоследок рабыня открыла стоявшую на столике шкатулку и достала недорогие, но изящные и красивые украшения из серебра, тёмного золота и полудрагоцен-

ных камней. Выбрав несколько, на её взгляд, наиболее подходящих к наряду, надела на девушку, и Элайна едва узнала себя в красивой элегантной даме, которая смотрела на неё из туманной глубины зеркала.

– Довольна ли госпожа или хочет что-то исправить? – спросила Мойна, закончив работу.

– Нет, спасибо, мне всё нравится, – ответила девушка, любясь отражением. Какая женщина не любит красиво одеться и повертеться перед волшебным стеклом? Элайна не была исключением, и несколько минут разглядывала себя, поворачиваясь то одним, то другим боком.

– Тогда я пойду за завтраком, с вашего разрешения.

– Подожди, Мойна... Правильно? Я не перепутала твоё имя?

– Правильно, госпожа. Я Мойна.

– Скажи, Мойна, где я нахожусь? Чей это замок? Как зовут вашего господина?

– Вы находитесь в Башне Невест, а замок принадлежит барону Хаскетту, он наш господин и повелитель.

– Хаскетт? Великий Стрелок Хаскетт, горный барон?

– У нас его так не называют. Здесь его зовут господин Амарис, горный барон. Может, он и великий стрелок, я этого не знаю, но он хороший охотник, никогда не возвращается без добычи.

– А ты не знаешь, зачем он привёз меня сюда? Я понимаю, что господин не делится со слугами своими намерениями,

но я также знаю, что хорошие слуги знают о своём господине всё...

Мойна нерешительно посмотрела на девушку, словно колебалась, а затем осторожно произнесла:

– Думаю, господин сам объяснит вам свои намерения...

Несомненно, рабыня всё знала, но не знала, можно ли ей об этом говорить, и предпочла уйти от ответа. Конечно, по желанию, девушка могла бы легко добиться от неё правды, но не хотела ссориться с прислужницей; возможно, её доброе расположение Элайне ещё пригодится.

– Хорошо, я подожду, пока барон сам соизволит объясниться.

Женщина с облегчением вздохнула и поспешила вниз. Через некоторое время она вернулась с накрытым подносом. Как и вчерашний ужин, завтрак оказался превосходным. Девушку вновь начали мучить сомнения. Если Хаскетт держит её для шантажа, то она обходится ему слишком дорого: роскошная комната, драгоценности, великолепная одежда, превосходная еда... Стоит ли так тратиться, не проще ли посадить её в клетку, в подземелье? В лучшем случае, в скромную комнатку, предназначенную для пленников. На что барон рассчитывает в ответ на такую щедрость?

Сомнениям и недоумению девушки предстояло развеяться в полдень, когда её посетил сам барон Амарис Хаскетт собственной персоной. Хотя сейчас он был без шлема, и роскошные тёмные волосы густой волной спадали на плечи и

спину, удерживаемые узким серебряным обручем с крошечными изумрудами по периметру, а одет он был в бархатный, расшитый серебром, тёмно-синий, как летняя ночь, костюм, Элайна сразу узнала прищуренные серые холодные глаза и чуть улыбающиеся твёрдые губы.

Войдя в комнату, барон остановился на пороге, словно в нерешительности, и посмотрел на девушку внимательным изучающим взглядом. В глазах мужчины, до этого равнодушных и холодных, появился какой-то странный блеск, когда его взгляд пробежался по стройной, затянутой в шелка, фигуре. По-видимому, красота пленницы произвела на него благоприятное впечатление. Слегка поклонившись, он произнёс:

– Добрый день, сударыня. Я Амарис Хаскетт, горный барон, – представился он глубоким приятным голосом.

– Знаю, – спокойно ответила девушка. – Вас ещё называют Великим Стрелком Хаскеттом. Или это другой Хаскетт?

– В Ледеберге только один Хаскетт, – с неподдельной гордостью ответил барон. – А Великим Стрелком меня прозвали за умение стрелять без промаха. Думаю, это звучит гордо.

– Возможно... – не стала спорить девушка.

– Теперь представьтесь вы, сударыня, я хочу знать ваше имя.

Элайна удивилась.

– Разве вы не знаете, кто я?

– Конечно, нет!

– Зачем же вы меня украли?

– Потому, что вы мне понравились и были доступны. Мне не пришлось даже пробираться внутрь лагеря, вы сами пришли ко мне в руки, – усмехнулся барон.

– Но вы следили за мной?

– Нет. Мы случайно наткнулись на ваш лагерь и увидели, что в нём есть женщины... Мы заметили вас, выходящую из лагеря, подкрались, посмотрели, и я решил, что вы мне подходите.

– Подхожу для чего?

– Назовите своё имя, сударыня, и я вам всё объясню.

– Меня зовут Элайна... Коррис, – назвала девушка фамилию матери.

– Дорогая Элайна, с этого дня вы моя невеста, – торжественно объявил Хаскетт.

– Ваша невеста? – искренне изумилась девушка. Она ожидала чего угодно, только не такого простого и вместе с тем необычного объяснения. – Вы думаете, я этого желаю?

– Вам придётся смириться, сударыня, – невозмутимо ответил барон. – Я украд вас по обычаям моих предков, посадил в Башню Невест и ударил в колокол, сообщая подданным, что у их господина появилась невеста. Теперь у вас есть два пути: стать моей супругой и назваться баронессой Хаскетт или умереть... Тогда мне придётся искать другую невесту.

Элайна задумалась. Сообщение барона оказалось для неё

полной неожиданностью.

– И у меня нет никакого выбора? – спросила она через минуту.

– У вас есть выбор – жизнь или смерть... Третьего не дано. Я не могу вас отвезти обратно к вашим родным. Если вы не согласитесь стать моей женой, то, по нашим обычаям, я обязан сбросить вас с крыши башни в пропасть, чтобы своей кровью вы смыли мой позор вашего отказа. На раздумье вам даётся месяц. После этого я приду за ответом.

– Я не могу решить так быстро, – поспешно возразила девушка. – Это серьезное решение... Я прошу три месяца.

Барон посмотрел на неё пристальным взглядом и неожиданно рассмеялся:

– Хорошо, пусть будет три. Мне спешить некуда. Но не мечтайте избежать своей участи. Ещё никто и никогда не сбежал с Башни Невест. Вас будут сторожить, как самое ценное королевское сокровище, ведь сбежавшая невеста – такой позор для горного барона, что он предпочтёт сам броситься в пропасть, чем стать посмешищем всего Ледеберга.

Амарис Хаскетт поклонился и вышел. Элайна опустила на стул и с горечью рассмеялась. Невеста горного барона! Что сказал бы отец, если бы знал, кем стала его дочь!

Глава 4

Как Элайна и предполагала, капитан Олайн был вне себя, когда узнал об исчезновении дочери. Обеспокоенный её долгим отсутствием, он опросил своих людей, и те сообщили, что видели, как девушка поднялась вверх по течению ручья. Позвав двух воинов, которые хорошо читали следы, Олайн отправился на поиски. Они привели его на место разыгравшейся трагедии, о которой рассказали чёткие следы на песке. Здесь всё ещё лежали её одежда и оружие.

– Здесь побывали манволы, – сказал один из следопытов, указывая на отпечатки на влажном песке. – Только они носят такие сапоги с мягкой подошвой, в которой удобно лазить по скалам и деревьям. Мне тяжело это говорить, но вашу дочь, вероятнее всего, похитили люди горного барона.

Это известие поразило капитана в самое сердце. Если бы девушку похитили варвары, ещё оставалась бы какая-нибудь возможность спасти её: выкупить, отбить или обменять на лошадей. Но горные бароны никогда не отдают добычу. Да и как узнать, кому из этих негодяев досталась его малышка, в чьём гареме или тюрьме она сейчас томится?

Перебрав все цели похищения, Олайн пришёл к тому же выводу, что и Элайна: дочь выкрали с целью шантажа. Теперь нужно ждать посыльного, который предложит ему сделку.

Но шло время, обоз всё дальше уходил от места трагедии, а никто капитана не беспокоил и ничего от него не требовал. Всё же Олайн оставался начеку, усилил охрану и требовал от подчинённых особой бдительности.

Но, вопреки всем опасениям, дорога на этот раз оказалась на удивление спокойной и безопасной, как никогда. Без потерь и происшествий обоз прибыл в Медаус, быстро разгрузился, и, погрузив местные товары, тронулся в обратную дорогу.

Путь домой показался капитану бесконечным. Он не мог дождаться той минуты, когда освободится от тяготивших его обязанностей и отправится на поиски дочери. Он торопился сам и подгонял медленно двигавшийся обоз, чем вызвал недовольство возчиков и начальника обоза.

Когда они приблизились к границам Кламара, капитан вновь стал нервным и особенно бдительным, чем вызывал недоумение подчинённых.

Но вот Ледеберг остался позади. Обоз вступил на спокойные земли Кламара. Здесь Олайн решил покинуть его, оставив на попечение помощника. Начальника обоза не удовлетворило решение капитана, но он понимал его желание отыскать пропавшую дочь. Выдав причитающееся жалованье, пожелал ему всяческих успехов. Покинув обоз, Олайн, тут же, вернулся в Ледеберг.

За долгие годы службы капитаном отрядов сопровождения, Олайн нажил себе немало врагов среди диких племён и

горных баронов, но также приобрёл среди жителей Ледеберга и несколько друзей. Один из них – горный барон Террис, давний приятель. К нему, в первую очередь, и направился капитан.

Увидев у ворот замка старого приятеля, одного, без солдат (а путешествовать Ледебергом в одиночку весьма рискованно, даже горные бароны никогда не решались на такое), Террис удивился. Приняв Олайна с подобающими почестями, поинтересовался:

– Что привело тебя в наши края? Слышал, ты повёл обоз в Медаус.

– Я уже вернулся. А пришёл к тебе за помощью.

Террис удивился ещё больше. Олайн никогда и ни у кого не просил помощи, и меньше всего хотел бы получить её от горного барона, пусть и старого друга. Видимо, случилось что-то из ряда вон выходящее, если капитан решился просить у него помощи.

– Слушаю, – без колебаний ответил Террис. – Если это в моих силах, помогу.

Олайн рассказал об исчезновении Элайны и о выводах, сделанных его следопытами, о том, что опасался шантажа, но никаких требований не получил. Он просил помочь узнать, у кого из горных баронов находится его дочь, и, если это возможно, выкупить её.

Выслушав рассказ, Террис задумался на несколько минут. На миг у него мелькнула мысль, что неплохо было бы самому

завладеть дочерью Олайна, чтобы приобрести над капитаном власть. Но он тут же отбросил её. Слишком хорошо барон знал капитана, чтобы понимать, что тот пойдёт на всё, чтобы спасти свою девочку, а если у него не получится, умрёт, но не станет подчиняться требованиям шантажистов.

– Я слышал, что у молодого барона Хаскетта недавно появилась невеста. А по нашим обычаям, барон должен похитить девушку. Время появления невесты как раз совпадает со временем исчезновения твоей дочери. Так что, скорее всего, сейчас она – невеста горного барона.

– И что это значит?

– Это означает, что она либо станет его женой, либо умрёт... Её нельзя ни выкупить, ни обменять, ни украсть. Её строго охраняют, так что и убежать она не сможет... Девушке дают какое-то время на раздумье, а также, чтобы она успела смириться со своей судьбой. Затем она должна дать ответ, согласна ли стать женой барона или предпочтёт смерть. Если она согласится – а так бывает всегда – девушка становится официальной невестой, её обручают с женихом, знакомятся с родственниками невесты, если таковые имеются. Затем, спустя сорок дней, играют свадьбу. Это время уходит на обучение девушки обычаям и законам горных баронов, ведь она станет госпожой замка и принадлежащих барону земель.

– А если девушка откажется от сомнительной «чести», что тогда?

– Её сбрасывают с крыши Башни Невест на плиты двора

или в пропасть у стен замка. Девушка должна своей кровью смыть позор отказа и своей смертью освободить дорогу другой претендентке. Однако, я таких случаев не припомню, во всяком случае, при моей жизни ни одна девушка не отказалась стать баронессой... Обычно на раздумье дается месяц. Но судя по тому, что барон Хаскетт ходит в женихах уже третий месяц, ему достался крепкий орешек, – с улыбкой закончил Террис.

Рассказ барона скорее огорчил и обеспокоил Олайна, чем успокоил. Он не знал, как поступит Элайна – плод его гордости и виольского воспитания матери. Возможно, она предпочтёт смерть браку с нелюбом. И, хотя Элайна не разделяла взглядов матери на выбор мужчин и свободную любовь, но тоже хотела бы сама выбрать будущего супруга, а не выходить замуж по принуждению.

– Как мне добраться до замка этого Хаскетта? – спросил капитан.

– Хочешь к нему поехать? – снова удивился барон.

– Да.

– Зачем?

– Если Элайне суждено умереть, я хочу умереть вместе с ней. У меня, кроме неё, никого больше нет... Возможно, я успею отомстить за неё, прежде чем погибну. А возможно, мне удастся как-нибудь спасти свою дочь.

– Воля твоя... Я могу дать людей, которые проведут тебя до владений барона Хаскетта. Но не говори ему, кто помог

тебе в поисках. У меня достаточно старых врагов, чтобы наживать ещё новых.

Олайн пообещал никому не рассказывать о Террисе, и на следующий день покинул замок в сопровождении четырёх его воинов.

До владений Хаскетта они добирались полтора дня. На второй, поднявшись на очередной перевал, проводники указали на тёмную щель ущелья в противоположном склоне, из которого вытекала узкая пенистая горная речка, и сказали:

– Вот вход в долину Хаскетта. Наверху ущелья расположен пост наблюдения, который заметит вас за кем. На выходе с той стороны – отряд заграждения. Так что, если вы мечтаете незаметно пробраться или пробиться силой, советуем сразу отбросить эту мысль. Со всех сторон долину окружают неприступные скалы, а замок Хаскетта, который они называют «Башня Ветров», расположен в конце долины и высится на обрывистой скале. Если вы поедете туда, то влезете прямо в пасть гиззарда, и одним богам известно, что с вами случится: проглотит ли он вас сразу или будет медленно рвать на части.

– Спасибо за предупреждение, я всё же рискну, – ответил капитан.

Провожатые повернули обратно, а Олайн спустился с холма и направился прямо к ущелью.

Когда он вступил в сырой, наполненный шумом бегущей воды, полумрак, показалось, что он вступает в ворота ада.

Но капитан не остановился и не повернул обратно.

Выехав по другую сторону ущелья, Олайн увидел, что его ждут несколько всадников с пиками и заряженными арбалетами в руках. Командир окинул пришельца строгим взглядом и недружелюбно спросил:

– Кто ты, незнакомец, и какое дело привело тебя во владения барона Хаскетта?

– Я капитан Олайн, если это имя вам что-нибудь говорит. Мне нужен барон Хаскетт по прозвищу Великий Стрелок.

Всадники удивлённо переглянулись, по-видимому, имя капитана они слышали.

– Что тебе нужно от нашего господина? Может, ты привёл своих людей, чтобы напасть на нас?

– Нет, я приехал один, с мирными намерениями, а дело, которое привело меня сюда, касается только меня и вашего господина, с ним я и буду говорить.

Этот ответ не понравился командиру стражников, и он нахмурился.

– Может, ты и увидишь нашего господина, а может, и нет – решать не мне. В любом случае, ты должен сдать оружие и полностью отдаться в наши руки.

– Как скажешь, воин, – спокойно ответил капитан.

Без малейшего сопротивления он позволил себя разоружить и связать. На голову ему надели плотный мешок, чтобы он не видел дороги, взяли повод коня и куда-то повезли. Ехали долго и не спеша, сначала, судя по стуку копыт по мягкой

земле, долиной, затем по каменистой горной тропе и, наконец, по каменным плитам двора. Здесь пленника ссадили и повели вниз. Когда с него сняли мешок и развязали руки, он увидел, что находится в подземной тюрьме, в тесной железной клетке.

– Посиди здесь, пока господин барон не пожелает тебя видеть, – с кривой усмешкой произнёс стражник, захлопывая дверь клетки. Он удалился, оставив капитана наедине с его думами и тревогами.

Потянулись долгие томительные часы. Никто к пленнику не приходил, никто им не интересовался. Сидя в углу, на холодном каменном полу, Олайн терпеливо ждал. Он готов был ждать вечность, если бы знал, что с его девочкой ничего не случится.

Наверное, снаружи наступила ночь – понять это в тёмном подземелье было невозможно. Капитан не обращал внимания на голод и жажду, на холод и онемение во всём теле от неудобной позы. Наконец, сон сморил его, и он так и уснул – сидя на корточках, прислонившись спиной к холодной стене.

Из сонного оцепенения его вывел лязг открываемой двери. С трудом открыв опухшие веки, он сощурился от света и увидел двух стражников, один из которых держал ярко пылавший факел.

– Выходи, – буркнул стражник с ключами.

Олайн с трудом поднялся, ощущая невыносимую боль в затёкшем теле. Он чувствовал себя старым и больным. По-

кинув клетку, капитан последовал за конвоирами.

Выйдя во двор, Олайн с жадностью вдохнул чистый свежий воздух, ещё наполненный утренней прохладой. Поднявшееся солнце приятно согревало озябшее тело, возвращая в него здоровье и силу.

Капитан и его охранники пересекли двор и вошли в замок. Пройдя по нескольким голым мрачным коридорам и переходам, они поднялись на второй этаж и остановились перед тёмной резной дверью. Один из стражников постучал. Получив ответ, открыл.

– Входи, – кивнул капитану.

Олайн переступил порог и оказался в высокой светлой комнате, обставленной изысканной резной мебелью и увешанной яркими гобеленами. В одном из кресел, у окна, сидел красивый молодой человек с распущенными по плечам волосами и серебряным обручем на голове. Взглянув на вошедшего, он удивлённо воскликнул:

– Капитан Олайн! Так это, на самом деле, вы! А я думал, меня разыгрывают. Проходите, садитесь, – он указал на одно из стоявших рядом кресел. – Что привело вас ко мне и без охраны?

– Я ищу дочь. Поиски привели меня сюда.

– Ищете дочь? – ещё больше удивился Хаскетт. – Я и не знал, что у вас есть дочь. И вы думаете, она у меня?

– Ходят слухи, что, примерно, три месяца назад вы похитили девушку на Торговом пути.

– Да, было дело, – не стал отрицать Хаскетт. – И вы думаете, это ваша дочь?

– Я не утверждаю этого наверняка, но если вы назовёте мне имя этой девушки, я скажу вам, так это или нет.

Хаскетт задумчиво посмотрел на капитана, и на его выразительных губах заиграла чуть насмешливая улыбка.

– Вот хитрая бестия... – через минуту пробормотал он. – Она сказала, что её зовут Элайна Коррис.

Олайн невольно вздрогнул. Он и боялся, и надеялся на подобный ответ.

– Да, это она, – грустно кивнул он. – Коррис – родовое имя её матери.

– Вот это да! – радостно воскликнул барон. – Моя невеста – дочь великого капитана Олайна! Соседи умрут от зависти!

– Я могу увидеться с ней? – тихо спросил капитан.

– Нет, – быстро ответил Хаскетт. Улыбка сбежала с его лица, и оно стало суровым и холодным. – Это невозможно.

– Почему?

– Она ещё находится в Башне Невест. Вам, как и мне, придётся подождать несколько дней, и тогда вы, в любом случае, сможете с ней встретиться и поговорить.

– Вы мне обещаете?

– Даю слово.

– А если... Если Элайна скажет «нет», согласны ли вы взять мою жизнь взамен её?

Барон посмотрел на сидящего напротив мужчину долгим

непроницаемым взглядом и холодно произнёс:

– Если Элайна скажет «нет», ваша жизнь не будет стоить ни гроша.

Глава 5

Заключение в Башне Невест изрядно надоело Элайне, но она не желала ни на час сокращать определённый ею самой же срок, всё время подсознательно на что-то надеясь. Конечно, она пыталась бежать, и не единожды, но каждый раз наткалась на сильную охрану. Её вежливо, но решительно водворяли на место, не говоря ни слова упрёка. По-видимому, такое поведение «невесты поневоле» было естественным.

Амарис Хаскетт иногда навещал её, вёл вежливые, ничего не значащие беседы, преподносил скромные подарки в виде недорогих украшений или охотничьих трофеев. Однажды он принёс ей клетку, в которой сидел маленький испуганный лэй. Элайна всем сердцем полюбила это прекрасное, но боязливое существо, и лэй, вскоре, привязался к ней. Он брал пищу из её рук, бегал по её плечам и голове, заглядывая в уши и глаза и щекоча их своими длинными пышными усами. Девушка смеялась, как счастливый ребёнок, и общение с любимцем стало самым светлым и радостным пятном в однообразной монотонной жизни.

Подружилась Элайна и с рабыней Мойной. Женщина искренне привязалась к девушке, и часто уговаривала дать согласие на брак и не губить юную жизнь. Она рассказала пленнице, какая страшная участь ожидает её в случае отказа, но смерть на холодных скалах не пугала девушку. Смерть и

забвение предпочтительнее унылой беспросветной жизни с нелюбимым или, даже, ненавистным человеком.

Правда, барон Хаскетт не вызывал у девушки ненависти. Да, он похитил её и принуждал к нежелательному браку. Но сделал так не из прихоти, а поступил по обычаям предков. Её мать тоже следовала обычаям, выбирая мужей по своему желанию и воспитывая детей по своим законам. Элайна не приняла обычаев матери, но, даже следуя обычаям отца, похищенная девушка уже не может вернуться в свой дом. Так почему она упрямится? Элайна и сама не знала. Возможно, из-за подспудного неприятия принуждения.

Элайне едва исполнилось девятнадцать. Хотя в Илларию это считается самым приемлемым брачным возрастом, девушка совсем не мечтала о замужестве. Возможно, сказывалась кровь матери, но к мужчинам Элайна относилась равнодушно, и ценила в них, прежде всего, душевные качества, а не внешние данные. Хотя барон Хаскетт и привлекателен снаружи, но девушка ощущала его холодность и равнодушие по отношению к ней, а это раздражало. Возможно, если бы Амарис выказывал хотя бы зачатки влюблённости или оказывал более горячие знаки внимания, она бы сдалась гораздо раньше и произнесла долгожданное «да». Но барон относился к ней, скорее, как к сестре – с долей уважения и вынужденного терпения. А это бесило девушку, и каждый раз, при встрече, они вели себя, как два скрытых врага, а не как будущие муж и жена.

Мойна, желая склонить подопечную к браку, постоянно расхваливала хозяина, рассказывая о его настоящих и мнимых достоинствах, описывая добродетели и затушевывая недостатки. Девушка слушала её болтовню вполуха, полагаясь лишь на своё мнение и принимая собственные решения.

Когда четвёртая попытка побега тоже закончилась неудачей, Элайна, казалось, смирилась, став пассивно ждать часа «X», когда наступит время произнести одно из двух роковых слов. Она наслаждалась каждым прожитым днём относительной свободы, став капризной и требовательной. Казалось, Элайна уже приняла решение и успокоилась. Тревога и глубокие раздумья больше не омрачали её чело, не туманили тёмных блестящих глаз, не беспокоили душу. Амарис сразу заметил перемену в поведении пленницы, так как она перестала насмехаться, дерзить и отвечать колкостью на любое слово, и понял это так, что пленница "созрела". В душе он, возможно, и любил девушку, как-то незаметно эти чувства овладели им. Но непонятная гордость не давала проявить это внешне, и он продолжал представлять перед Элайной холодным и равнодушным господином.

Время тянулось медленно, но текло неотвратимо. Приближался роковой день. С каждым днём Элайна становилась спокойней и молчаливей, подолгу стояла у окна, глядя на летнее небо, по которому бежали лёгкие пушистые облака. Мойна, мучимая беспокойством, лишь тяжело вздыхала,

глядя на госпожу, но не решалась нарушить её спокойное созерцание.

И вот наступил решающий день. Три месяца истекли. Однажды утром в комнату Элайны вошла взволнованная Мойна и тихо произнесла:

– Господин барон пришёл за ответом, госпожа...

И хотя девушка давно ждала этих слов, но сердце её тревожно сжалось. Она отвернулась от окна, где, как обычно, стояла, и, стараясь казаться спокойной, ответила:

– Пусть войдёт.

Облокотившись о стену, заложив руки за спину, безмолвно смотрела на поднимавшегося по лестнице мужчину. Барон ступил в комнату и посторонился. За ним вошли два воина. Один держал в руках грубую верёвку, другой роскошный женский наряд.

Амарис испытующе посмотрел на невесту. Девушка казалась спокойной, даже, как бы, равнодушной. Словно напряжение трёх прошедших месяцев истощило все душевные силы.

– Итак, сударыня, пришёл тот час, когда вы должны окончательно решить – со мной вы или нет... – заговорил барон. – Не торопитесь! – поспешно добавил, видя, что девушка собирается что-то сказать. – Я ждал долго, могу подождать ещё несколько минут. Ещё раз хорошенько подумайте, а затем говорите.

Элайна, которая, и правда, собиралась произнести ро-

ковое слово, закрыла рот и посмотрела на жениха более внимательно. За три месяца регулярных встреч она научилась немного понимать характер барона, и сейчас увидела, что под маской сдержанности, Хаскетт скрывает волнение. Неужели, он боится отказа?

– Амарис... – Впервые за три месяца знакомства, Элайна назвала жениха по имени. – Прежде, чем я сообщу вам о своём решении, ответьте на один вопрос...

– С удовольствием, сударыня.

– На какой ответ вы надеетесь?

Барон слегка растерялся от такого прямого вопроса, но тут же собрался и осторожно ответил:

– Ваша смерть опечалила бы меня... Намного больше, чем мне того бы хотелось... Но, думаю, намного печальней стал бы ваш отец.

– Мой отец? – встрепелась девушка. – Что вы знаете о нём?

– Капитан Олайн почтил меня своим присутствием... Но мы отвлеклись. Время разговоров закончилось. Итак, ваше слово, сударыня.

Мысли заметались в голове Элайны. Отец здесь! Он приехал спасти её, и сейчас тоже пленник Хаскетта. Возможно, своим отказом она рассердит барона, и тот отыграется на несчастном капитане.

Элайна гордо вскинула голову и громко произнесла:

– Я стану вашей супругой, барон, но это не принесёт вам

счастья!

– Я ожидал услышать нечто подобное, – улыбнулся Хаскетт и подал знак. Воин с великолепным нарядом ступил несколько шагов вперёд и опустился на одно колено. Второй повернулся и ушёл.

– Вот ваш наряд невесты, сударыня, – сказал Амарис. – Наденьте его, я подожду внизу.

Сияющая Мойна бросилась вперёд и почти вырвала платье из рук воина.

– Идите! Идите! – закричала на мужчин. – Госпожа будет одеваться!

Рабыня быстро и умело раздела безучастную девушку и облачила в тяжёлое, шитое золотыми нитями и драгоценными камнями платье. На голову водрузила плоскую круглую шапочку, обшитую хвостиками лэев, с пышным белоснежным пером и короткой вуалью, скрывавшей лицо. Взяв господжу за руку, помогла сойти по лестнице в нижнюю комнату, где ждал жених. Теперь он взял руку девушки, и они вместе ступили на каменные ступени винтовой лестницы, шедшей к подножию башни. Впервые за три месяца Элайна свободно покидала узилище.

Как только они показались в дверях башни, наверху ударил колокол, и над долиной поплыл весёлый и торжественный звон. Во двор сбегались слуги, весело крича и размахивая руками.

Барон провёл девушку через двор и подвёл к ступеням, ве-

душим в замок. Подняв глаза, Элайна увидела наверху толпу служанок, и среди них высокую худощавую женщину, одетую во всё чёрное. Тронутые сединой волосы украшал такой же серебряный обруч, какой носил Амарис.

– Это моя мать, – шепнул барон, помогая девушке подняться по крутым ступеням. – Когда я вас представлю, вы должны опуститься на колени и склонить голову в знак почтения.

Под крики ликующей толпы, они поднялись по лестнице и остановились напротив баронессы Амалии. Та, молча, смотрела на сына и его будущую жену, строго поджав губы.

– Матушка, это моя невеста Элайна Олайн, – произнёс Амарис и слегка сжал руку девушки. – Я украл её по обычаям наших предков, она отсидела в Башне Невест положенный срок и сейчас смиренно припадает к твоим ногам в знак покорности и согласия стать твоей невесткой.

Баронесса продолжала сверлить девушку глазами, и та отвечала ей таким же прямым и холодным взглядом. Молчание затягивалось, и служанки за спиной баронессы начали тревожно перешептываться. Амарис с силой сжал ладонь девушки и бросил на неё умоляющий взгляд. Только тогда Элайна неохотно опустилась на колени и склонила голову. Хаскетт опустился рядом.

– Твоя невеста строптива и упряма, и я думаю, ты сделал неверный выбор, похитив эту девушку... Но что сделано, то сделано. Не мы выбираем свою судьбу, а боги решают за

нас, – недовольно произнесла баронесса. – Будем надеяться, она ещё переменится к лучшему... Благословляю вас, дети мои. Любите и почитайте друг друга, и пусть боги пошлют вам счастье и удачу.

Она слегка коснулась их голов, и двор замка взорвался приветственными криками. Снова ударил колокол – гулко, тожественно, протяжно. Амарис встал и помог подняться невесте. Он откинул с её лица вуаль и все смогли увидеть лицо будущей госпожи. Послышались крики восхищения и одобрителный свист.

Внезапно, сквозь весь этот шум, Элайна расслышала знакомые прихрамывающие шаги и голос отца. Резко обернувшись, она увидела пробиравшегося сквозь толпу служанок капитана. Его всегда загорелое лицо побледнело и осунулось, как у больного человека. А в глазах блестели слёзы.

– Папочка! – воскликнула девушка и бросилась в объятия отца.

– Элайна! – выдохнул капитан, крепко прижимая к себе дочь. – Моя принцесса...

– А вот и мой дорогой тесть! – с довольной улыбкой произнёс Хаскетт. – Ну что ж, раз вся семья в сборе, может, пройдем в замок и отпразднуем это маленькое радостное событие?

Часть вторая: «Строптивая жена»

Глава 1

Покинув Башню Невест, Элайна поселилась в замке на женской половине. Ей предоставили несколько красивых уютных светлых комнат и штат необходимой прислуги. Она могла свободно передвигаться по замку и крепости, но за ней продолжали строго следить, хотя и не так явно, как прежде. Элайна и не думала о побеге, так как её отец оставался заложником Хаскетта, хотя тот и относился к нему, как к почётному гостю.

По обычаю, между помолвкой и свадьбой должно пройти не более сорока дней – срок достаточный, чтобы сделать необходимые приготовления к торжеству и созвать всех гостей.

Всё это время баронесса Амалия обучала девушку правилам церемонии, знакомила с обычаями и законами горных баронов, показывала замок и крепость, рассказывала о хозяйственных делах и людях, служивших им. Элайна старалась всё запомнить, как прилежная ученица, понимая, что эти знания могут ей пригодиться.

Теперь Амарис виделся с девушкой каждый день, несмотря на занятость приготовлениями к свадьбе. Он дарил ей до-

рогие подарки, говорил комплименты, и вообще, вёл себя совсем не так, как прежде. Его поведение становилось всё более свободным, а ухаживания более настойчивыми. Однажды он даже попытался поцеловать "невесту". Но Элайна оттолкнула его, сказав:

– Вы много себе позволяете, сударь. Я ещё не ваша жена.

– Мне нравится ваша скромность, дорогая. Но всё же вы моя законная невеста, а значит, поцелуи не возбраняются.

– Нет! – твёрдо ответила девушка. – Мои поцелуи нужно заслужить.

Глаза Амариса вспыхнули и недобро сузились.

– Я думал, вы уже смирились, а вы продолжаете упрямитесь. Но мне это даже нравится. Надоели покорные гаремные рабыни. Чем больше вы будете сопротивляться, тем слаще будут наши объятия в конце.

– Боюсь, вам ещё долго придётся пользоваться услугами наложниц, – язвительно парировала Элайна.

– Ничего, я подожду, пока вы станете уступчивей, – усмехнулся Амарис.

Свадьба была роскошной и торжественной – больших зазнаек, чем горные бароны, нужно ещё поискать. Они любили пустить соседям пыль в глаза. Свадебный наряд невесты так щедро украшали золотое шитьё и драгоценности, что он стал неподъёмным. Если бы не выносливость Элайны, она бы свалилась с ног ещё до конца церемонии. Съехавшиеся отовсюду гости просто упились заморскими винами и объ-

елись великолепной едой. Зато и на богатые подарки не по-
скупились.

Незадолго до свадьбы Хаскетт отпустил капитана Олайна, чтобы тот смог съездить домой и пригласить всех родственников на торжество. Элайна уговаривала отца больше не возвращаться, так как не хотела, чтобы он стал заложником их с Амарисом отношений, и Олайн, хотя и с большой неохотой, послушался. Поэтому на свадьбе со стороны невесты не присутствовал ни один родственник, что удивило гостей и добавило огорчений Хаскетту.

Когда первый свадебный день подошёл к концу и молодожёнов отвели в брачную комнату, Амарис, который за столом хватил лишнего, снова попытался обнять и поцеловать жену, но Элайна снова его оттолкнула. И тогда барон показал свой истинный характер: обозвал Элайну грубыми словами и дал пощёчину, заявив, что если она не покорится, то будет получать пощёчины, вместо поцелуев, каждый день. На что девушка ответила просто: ударила один раз и ушла к себе, оставив бесчувственного супруга на холодном каменном полу.

Утром в комнату Элайны ворвалась баронесса Амалия, кипя от возмущения. Посмотрев на невестку испепеляющим взглядом, прошипела, как рассерженная змея:

– Сударыня, со вчерашнего дня вы стали баронессой Хаскетт...

– И я этим не горжусь... – пробормотала девушка, но так,

чтобы свекровь услышала. Лицо баронессы потемнело ещё больше, но она, сдерживая раздражение, продолжила: – ... Вместе со многими правами у вас появились и некоторые обязанности, и одна из них – супружеская. Жена не может отказать мужу в его естественных желаниях, даже если ей этого не хочется. А уж тем более бить супруга, как раба, и оставлять беспомощным на полу... У меня просто нет слов, сударыня, чтобы осудить ваш поступок!

– Он первый начал, – насупилась девушка. – Я тоже не позволю себя бить, так и передайте вашему сыну. Я не рабыня. И не наложница, чтобы удовлетворять его похоть по первому требованию... Я не напрашивалась к вам в невестки и в супруги вашему сыну. Он взял меня силой, принудил к этому браку. Но теперь я сама решаю, как жить дальше. И если Амарис хочет овладеть моим телом, пусть сначала завоюет мою душу. Без любви или уважения, я не позволю ему разделить со мной ложе... Хаскетт сделал ошибку, похитив дочь виолки и капитана Олайна. Ему нужно было поискать простую сельскую девушку, которая была бы счастлива стать госпожой «горных волков».

Баронесса Амалия, онемевшая от дерзких речей новоиспечённой невестки, молча повернулась и стремительно покинула комнату, раздражённо хлопнув дверью.

Глава 2

Отшумели свадебные торжества, разъехались гости, и замок вновь вернулся к будничной размеренной жизни. Баронесса Амалия продолжала заботиться о доме и хозяйстве, Амарис пропадал на охоте. Молодая же баронесса Хаскетт – Элайна – занималась своими делами. Сначала пошила себе обновку – полувоенный костюм из кожи, подобный специфической форме матери. Облачившись в него, набросив на плечи алый шерстяной плащ, вооружившись мечом из арсенала супруга, она, почти каждый день, покидала замок и долину, и в сопровождении назначенной охраны, уезжала в Ледеберг. Казалось, она бесцельно бродит по горам и долинам, любуясь красотами природы: часами сидела на берегу чудесного водопада или очаровательного озера, прятанного хрустальные, отражающие небесную синь воды, в укромном уголке среди скал и лесов.

Баронесса Амалия не одобряла поведения невестки, и не раз говорила сыну, чтобы он приструнил жену и заставил её сидеть дома и вышивать гобелены, а не шляться неизвестно где. Но после памятной брачной ночи Амарис почти не разговаривал с Элайной, игнорируя само её присутствие в замке и демонстративно отдавая предпочтение другим женщинам. Он часто привозил из походов пленниц, которых открыто делал любовницами. Обращался с ними вызывающе любезно

и обходительно, особенно, на глазах у супруги. Но выходки барона, казалось, совсем не трогают баронессу Элайну. При виде очередной фаворитки её пухлые губки изгибались в презрительной усмешке. Между супругами установился так называемый «вооружённый нейтралитет». Подспудно Амарис желал, чтобы, однажды, Элайна не вернулась из одной из своих поездок, чтобы она погибла, свалившись со скалы, или на неё напал голодный гиззард. Дело в том, что, по закону, барон никак не мог освободиться от освящённого брака. Свободу он мог получить только после смерти супруги. Но просто убить «вторую половину» тоже не мог – не позволял закон. Только в одном случае горный барон мог казнить жену – если поймает на измене. И то, только после соответствующего суда и опроса свидетелей, на котором присутствовали посторонние наблюдатели, избранные советом горных баронов. Но, к большому огорчению Амариса, несмотря на все его выходки, Элайна не давала ему повода заподозрить её в чём-то предосудительном. Поэтому на все брюзжания матери Амарис неизменно отвечал:

– Пусть делает, что хочет. А если вам не нравится её поведение, поговорите с ней сами.

Но баронесса тоже не горела желанием разговаривать с невесткой, опасаясь снова нарваться на грубость.

Так прошла большая часть лета. Элайна уже в подробностях изучила близкие и дальние окрестности замка, побывала во всех красивых местах и научилась хорошо ориентиро-

ваться в лабиринтах скал и делях Ледеберга, во всяком случае, в той части, что принадлежала баронам Хаскеттам.

Жизнь в замке казалась ей скучной и однообразной, замужество тяготило, и постепенно в голову девушки начали закрадываться мысли о побеге. Но она не спешила с их воплощением, понимая, что это дело очень и очень трудное. Если она просто убежит, незаметно улизнув от охраны, что тоже было проблематично, супруг немедленно бросится в погоню и легко настигнет беглянку, так как знает Ледеберг лучше и держит на службе опытных следопытов. Следовало разработать такой план, чтобы сбить преследователей со следа хотя бы на некоторое время, которое позволит ей надёжно спрятаться или уйти очень далеко, где она окажется вне досягаемости власти супруга.

Элайна один за другим придумывала планы побега, но, тщательно рассмотрев их со всех сторон, с сожалением отбрасывала. Это даже стало каким-то своеобразным развлечением, заполнявшим тоскливые часы вечерних бдений у окна или лежания в одинокой холодной постели.

Как часто бывает в жизни, помог случай.

Однажды, когда Элайна приехала на своё любимое озеро, расположенное в отдалённом глухом уголке владений Хаскетта, её ожидала засада. Как только она спешила и взобралась на излюбленный камень, приготовившись созерцать игру красок на глубоких водах озера, которые создавали лучи послеполуденного солнца, а её охрана расположилась непо-

далеку, из-за ближайших скал вылетели дротики и стрелы и поразили стражников так быстро, что те не успели даже осознать, что происходит, и вынуть оружие.

Заметив краем глаза движение за скалами и увидев первого упавшего охранника, Элайна, не долго раздумывая, спрыгнула с камня и бросилась в озеро. От ледяной воды, питаемой подземными ключами и ручьями, сбегавшими с гор, даже дыхание перехватило. Чтобы укрыться от глаз неизвестных врагов, ей пришлось нырнуть очень глубоко и проплыть под водой как можно дальше – к хаотическому нагромождению скал и огромных валунов, расположенных на некотором расстоянии от берега и торчащих из воды в виде крошечного безжизненного островка. Даже такой хорошей пловчихе и сильной тренированной девушке заплыв дался с огромным трудом. Когда она достигла островка, то уже задыхалась от недостатка воздуха, в глазах расплывались красные круги, а в ушах нарастал шум наполнявшей голову крови. Тело сводила судорога, а тяжёлый промокший костюм тянул ко дну.

Но беглянка позволила себе всплыть, только лишь, когда достигла первого камня, торчащего из воды острым зубом. Спрятавшись за ним, чтобы укрыться от взглядов с берега, вынырнула и с жадностью начала хватать воздух открытым ртом. Отдышавшись, осторожно выглянула и увидела нескольких человек, бродивших по берегу и что-то искавших среди скал. Ясно, что незнакомцы искали именно её.

Вновь наполнив лёгкие воздухом, девушка погрузилась под воду и поплыла к островку, стараясь обойти его сбоку, чтобы вынырнуть с противоположной стороны. Достигнув желаемого места, всплыла и с большим трудом выбралась на берег. Тело совсем онемело от холода, руки и ноги еле двигались, она почти их не ощущала. Когда беглянка оказалась на суше, растянувшись на согретых солнцем камнях, её начал бить озноб. К счастью стоял жаркий летний полдень, и солнце висело почти в зените, посылая на землю горячие обжигающие лучи, которые быстро согрели озябшее тело, прогрев его до костей. Отогревшись, девушка встала и сняла мокрую одежду. Расстелив её на горячих камнях, нагая, спряталась среди скал и стала наблюдать за берегом. Когда солнце начинало жечь голую спину и плечи, она передвигалась в тень, а когда становилось прохладно, снова выходила на солнце.

Люди на берегу продолжали упорно искать, и это не нравилось девушке. Кто бы это ни был – молодая баронесса Хаскетт нужна им живой, они не могли уехать ни с чем. Элайна не знала, кто эти незнакомцы, да ей это было всё равно. Она не желала попасть им в руки, так как догадывалась, что это не спасители, посланные, например, отцом – он лично пошёл бы на такое дело, не посылая чужих. Скорее всего, очередные похитители, люди одного из врагов Хаскетта, пожелавшего таким негодным способом отомстить барону. Ведь худшего оскорбления невозможно и придумать, как похитить супругу горного барона. Поэтому чужаки с таким упорством

искали девушку или её труп, если она погибла в суматохе боя.

Элайне, конечно же, не улыбалось провести на этом крошечном безжизненном островке несколько дней, пока Хаскетт начнёт искать строптивую жену и выйдет на её след. Да и потом ей не хотелось возвращаться в замок, ведь после такого приключения у Амариса появится веский повод посадить её под замок, мотивируя это заботой о её безопасности. Да и грех не воспользоваться представившимся случаем. Пока Амарис будет разбираться с похитителями, пока будет выяснять, жива она, находится в плену или умерла и покоится на дне озера, Элайна успеет уйти далеко, если ей повезёт. Но сейчас нужно уйти от стражей на берегу. А это возможно только с приходом ночи, и ей опять придётся плыть в холодной воде. Но ради свободы можно и потерпеть.

Солнце медленно катилось на запад. Девушка успела даже вздремнуть, ожидая заката. Когда она вновь заняла наблюдательный пост, берег выглядел пустынным. Казалось, незнакомцы ушли. Но девушка не обманывалась на этот счёт. Они могли прятаться среди камней или продолжать поиски в стороне от озера, предполагая, что баронесса их обманула и где-то прячется. Они понимали, что далеко уйти она не могла – пешком и, возможно, напуганная до полусмерти.

Элайна начала готовиться к ночному заплыву – связала в узел одежду и оружие, стянув его ремнём. К счастью, во время подводного бегства, она не сбросила пояс с ножнами,

ведь теперь оружие могло ей пригодиться.

Когда на озеро опустились вечерние сумерки, стало быстро холодать, и нагая девушка начала мёрзнуть. Чтобы согреться, Элайна делала энергичные движения, заодно разогревая мышцы перед дальним заплывом.

Элайна отлично плавала, и в спокойной тёплой воде могла проплыть кемов десять, но вода горного озера была холодной, что сильно затрудняло плавание. Элайна предполагала добраться до западного берега, где лес подступал к самой воде, а это примерно два-три кема. Девушка рассчитывала, что ей хватит сил преодолеть такое расстояние с грузом одежды на голове.

Когда стемнело настолько, что её невозможно было заметить с берега, но девушка ещё могла видеть тёмный зубчатый силуэт, Элайна закрепила на голове узел, затянув ремень под подбородком, и вошла в воду. То ли её тело привыкло к холоду, то ли вода прогрелась за долгий жаркий день, но на этот раз она не показалась ей такой холодной. Оттолкнувшись от дна ногами, легла на воду и поплыла, стараясь не плескаться.

Тьма постепенно сгущалась, но узкая полоска заката указывала ей путь.

Казалось, прошла целая вечность, когда девушка услышала близкий шелест листьев под порывами лёгкого ночного ветерка и над водой поплыли запахи нагретой за день травы и прелой листвы. А ещё через несколько долгих мгновений ноги коснулись дна. Дрожа от холода и усталости, Элайна вы-

бралась на берег, стараясь ступать на гальку и камни, чтобы не оставлять следов. Оказавшись на сухом месте, остановилась и некоторое время постояла, ожидая, пока ветерок осушит тело, и внимательно прислушиваясь к ночной тишине. Затем оделась и пошла вдоль берега, держа путь на запад.

Глава 3

Удача продолжала сопутствовать беглянке. Её не обнаружили враги, ей не встретились хищники. Стоял разгар лета, и леса Ледеберга наполняли спеющие ягодники и грибы, в гнёздах подрастали птенцы, а некоторые птицы начали повторную кладку яиц – так что от голода беглянка не страдала.

Элайна держала путь на юго-запад. Она уже отошла далеко от горного озера, оставила в стороне земли Хаскеттов, и, по расчетам, находилась неподалёку от Торгового пути. Она продвигалась не очень быстро, так как соблюдала некоторую осторожность, чтобы не попасть на обед хищнику, и избегала встреч с людьми – варварами или «горными волками», всё равно с кем. И те, и другие представляли опасность для одинокой путницы.

И тут судьба в третий раз проявила свою милость: Элайна наткнулась на лагерь охотников, которые часто забредали в столь далёкие от обжитых краёв места в поисках ценной дичи. В лагере никого не было, кроме дежурного кашевара. Спрятавшись на дереве, девушка долго наблюдала за дежурным, а когда он ушёл по воду к недалёкому ручью, пробралась в лагерь и украла его лошадь, заодно прихватив и мешок с провизией. Когда мужчина обнаружил пропажу, девушка находилась уже далеко и скакала во весь опор.

Спустя два дня, выехала на Торговый путь. Судя по све-

жим следам, по нему недавно проехал большой обоз. Элайна поскакала вслед и настигла его на вечерней стоянке. Обоз был из Кламара, и девушка не встретила в нём знакомых. Она попросила разрешения присоединиться, объяснив своё одиночество тем, что её супруг и слуги погибли в бою с варварами, а она возвращается домой в Медаус. Поверил капитан словам незнакомки или нет, но разрешил остаться в обозе и следовать с ними в Медаус.

После долгих и напряжённых странствий по лесам, полных тревог и опасностей, Элайна, наконец, почувствовала уверенность и защиту, и позволила себе расслабиться. Приключения последней декады дали ей больше впечатлений и потребовали от неё больше сил и мужества, чем вся предшествующая жизнь. Произошедшее стало настоящим экзаменом на зрелость. Ведь сейчас рядом не было ни строгого ока матери, ни твёрдой руки отца, готового прийти на помощь. Ей пришлось полагаться только на себя, самостоятельно принимать решения и самой их выполнять. Судя по результатам, она с честью выдержала этот экзамен, не только избавившись от тягостного замужества, но избежав многих опасностей и сохранив жизнь.

Дорога до Медауса оказалась самым спокойным и беззаботным отрезком путешествия.

В королевстве девушка направилась в портовый город Соланк, минуя столицу. Денег у неё не было, но при себе нашлись кое-какие украшения, плюс украденная лошадь. Про-

дав и то, и другое, Элайна наскребла необходимую сумму для покупки каюты на каботажном судне, идущем в Илларию. Она решила вернуться домой морем, таким образом, окончательно запутав свои следы.

В Соланке девушке пришлось задержаться на несколько дней, ожидая подходящий корабль. Она поселилась в самой дешёвой гостинице, экономя деньги. Почти никуда не выходила, проводя дни в комнате или в порту, где расспрашивала о судах, идущих на восток.

Корабль, на борт которого девушка, наконец, поднялась, был старой калошей, только и способной плавать в относительно безопасных прибрежных водах. Но девушке, никогда не видевшей морских кораблей, эта старая развалина с гордым названием «Великолепный», показалась чуть ли не чудом кораблестроения. Она с опаской ступила на колеблющуюся палубу. И, конечно же, как только покинул тихие спокойные воды бухты и лёг на пологую океанскую волну, тут же схватила «морскую болезнь». Ей было так плохо, что она даже не могла находиться в каюте, а почти всё время проводила у борта – или перегнувшись через него и освобождаясь от съеденных накануне продуктов, или беспомощно сидя, привалившись к ограждению спиной. Матросы откровенно насмеялись над пассажиркой, но у Элайны не осталось сил ответить им грубостью.

Промучившись целый день, к вечеру девушка почувствовала некоторое облегчение. Организм потихоньку приспособ-

ливался к новым условиям. Но вернуться в тесную душную каюту она не рискнула – свежий воздух приносил хоть какое-то облегчение. Она поудобней устроилась на бухте каната и задремала.

Разбудили её новые острые позывы тошноты и головокружения: ночью с северо-запада налетел внезапный шквал, ударил корабль в борт и погнал на юг. Поднявшаяся волна швыряла судно, как скорлупку, и капитан с трудом удерживал его кормой к ветру, не давая перевернуться. Испуганная не на шутку, девушка сжалась на канате, вцепившись руками в толстые колючие витки. Давно забытые чувства страха и беспомощности вдруг проснулись в её душе, почти парализовав волю. Её окружала тьма, наполненная воем ветра и грохотом волн. Она слышала пугающий скрип дерева и такелажа, отчего казалось, что корабль вот-вот развалится. В довершение, матросы, как показалось, беспорядочно носятся по палубе, испуганно вопя.

На самом деле, матросы быстро и чётко выполняли отдаваемые капитаном команды. Кораблю ничто не угрожало: буря оказалась не такой уж и сильной, и скоро должна была закончиться. Опасность подстерегала с другой стороны: внезапный шквал сносил корабль к опасным рифам Ларорских островов, которые бывалые моряки называли «Проклятыми» за количество погибших у его берегов кораблей. И несчастный «Великолепный» не миновал участи десятков своих предшественников. Гонимый шквальным ветром, он с

размаху напоролся на невидимый в темноте и бурлящей воде клык подводного камня, сотнями усеявших мелкие воды, окружавшие подступы к островам. Удар стал столь сильным и неожиданным, что корабль содрогнулся от носа до кормы и встал дыбом, как взбрыкнувший норовистый конь.

Элайну швырнуло сначала на палубу, а потом хлынувшая через борт вода подхватила парализованную ужасом девушку и швырнула за борт. Не успев осознать, что произошло, Элайна ощутила, как вокруг неё бурлит вода, а тело стремительно погружается. В первое мгновение девушка оцепенело наблюдала, как медленно и неотвратимо тонет, но тут включился самый древний и самый сильный инстинкт любого живого существа – инстинкт самосохранения. Страх исчез, голова прояснилась, мышцы налились невиданной силой, и она рванулась вверх, к спасительному воздуху. Вынырнув, откашлялась, отдышалась и огляделась. Вокруг царил прежняя тьма, свистел ветер, срывая с волн мутную пену и водяную пыль, и всё так же беспорядочно толкались громадные волны, швыряя её, словно щепку. Элайна привыкла к спокойным речным водам, но быстро освоилась и в море. Просто старалась поддерживать тело на плаву, позволяя волнам нести себя, куда им вздумается. Через какое-то время ей пришлось избавиться от оружия и одежды, так как они неумолимо тянули ко дну. К счастью, вода океана была тёплой, а не такой ледяной, как воды горного озера.

На востоке забрезжила слабая заря, когда она неожидан-

но почувяла запах суши, смешавшийся с запахом соли и водорослей, присущий морю. Шквал, погубивший корабль, уже давно унёсся прочь, и лишь ровный сильный ветер гнал волны и удерживавшуюся на их поверхности из последних сил девушку. Элайна уже отчаялась, чувствуя, как предательская усталость съедает последние силы, как руки и ноги наливаются свинцом, и всё тяжелее держать спину прямо. Поэтому, когда лица коснулся мягкий, как бархат, воздух суши, наполненный благоуханием цветущих растений, она воспрянула духом, и открылось «второе дыхание».

Но её ждали новые испытания. Впереди слышался грозный рокот разбивающихся о камни волн. И пловчиху несло прямо на этот рёв, обещавший гибель всему живому...

Часть третья: «Любовь без принуждения»

Глава 1

Остров Туару, самый крайний и самый большой из Лаорских островов, расположенных в Западном океане, недалеко от берегов Западного континента. Он ближе всех стоял к оживлённым торговым морским путям, ведущим из Медуса на восток. Его центральная гористая часть напоминала мифического спящего дракона, укрытого прекрасными густыми лесами. Остров окружали коварные рифы и отмели, а невидимые глазу подводные камни часто становились причиной гибели неосторожных корабелов, рискнувших приблизиться к острову, не зная прохода. Они же надёжно укрывали островитян от нападения ненасытных пиратов.

Неспокойные и бурные океанские волны часто приносили к берегам терпящие бедствие корабли и выбрасывали на безжалостные рифы, довершая их гибель. Дно возле берегов густо усеивали ценности с утонувших кораблей, и смельчаки из прибрежных селений часто ныряли в пучину тихими солнечными днями, в поисках золота или иной добычи, десятую часть которой, по закону, принадлежала лорду Туарийскому

– местному владыке и повелителю. То, что океанские волны выбрасывали на берег, считалось безраздельной и полновластной собственностью лорда, как единственного владельца этой земли. Закон строго соблюдался, и того, кто рискнул сокрыть от господина подобранное на побережье, ждала суровая кара: годовое заключение в подвалах замка, высившегося на вершине одной из скал, в пятнадцати кемах от единственного города острова – Дермина.

Для поддержания законопорядка, и не полагаясь на честность подданных, лорд регулярно объезжал весь остров по береговой линии, посещая селения, следя за порядком и опрашивая жителей. Объезд проходил, обычно, раз или два в месяц, в зависимости от частоты бушующих на море штормов.

Из очередной поездки лорд привёз юную раненую девушку, которую волны выбросили на берег неподалеку от рыбацкого посёлка Хория. Её обнаружили играющие на берегу дети, и сообщили о находке старосте селения. Тот велел перенести девушку в свой дом и послал гонца вслед за господином, за несколько часов до этого покинувшим селение. Лорд не поленился вернуться и осмотреть находку лично. Он приказал запрячь повозку, положить в неё побольше сена и покрыть меховым одеялом, в которое осторожно укутали находившуюся в беспомощности незнакомку. Её сильно избило о прибрежные камни. Несчастная не подавала иных признаков жизни, кроме слабого дыхания и еле ощутимого сердце-

биения. Но лорд надеялся на своего великолепного лекаря, обучавшегося в Иллари и проходившего практику в королевских регулярных войсках.

Поверхностный осмотр выброшенной на берег незнакомки загадал лорду несколько загадок, на которые он хотел получить ответы. На вид лет двадцать, и очень хорошенькая: золотисто-рыжие волосы, вьющиеся крупными локонами, и контрастные тёмные брови и ресницы. Глаза, большие и чуть приподнятые к вискам, тёмно-карие, почти чёрные. Нос прямой, изящный, губы полные и соблазнительные. Фигура худощавая, стройная и мускулистая, как у акробатки. На ладонях старые мозоли, как у воина, привыкшего к мечу и луку. Некоторые застарелые шрамы на перламутровой коже тоже наводили на мысль о боевых ранениях. На почти обнажённом теле болталась изорванная, мужского кроя, рубаха и такие же панталоны, но вещи пошиты из дорогого белого шёлка, а следы на руках и ушах говорили, что ещё недавно там находились довольно массивные украшения.

Лорд надеялся, что, когда девушка очнётся, она сумеет разъяснить все эти несовместимые вещи, но пока она находилась без сознания, и даже доктор Беарс не мог сказать, выживет она или умрёт.

Девушка пробыла на пороге смерти четыре дня и очнулась поздно вечером. Лорда в замке не было – он находился в очередной поездке, так как накануне на море бушевал сильный шторм, и ему доложили, что на западный берег выбро-

сило целый корабль со всем грузом и несколькими уцелевшими моряками. В сопровождении отряда гвардейцев лорд покинул замок и ускакал к месту происшествия.

*****

Элайна открыла глаза и увидела узорчатый полог, сквозь который тускло просвечивал свет стоявшего у кровати канделябра с тремя свечами. В первую минуту она не поняла, где находится, ей показалось, что она в Башне Невест сразу после похищения: всё тело болело, как после неудобной поездки, особенно невыносимо болела голова. С трудом подняв руку, положила ладонь на лоб, и ощутила под пальцами ткань повязки. Вдохнув поглубже, почувствовала боль и стеснение в груди, и поняла, что её тоже стягивает тугая повязка. Забинтованы были обе ноги и левая кисть. Но, как она ни старалась, не могла вспомнить, что с ней произошло, и как она оказалась в столь плачевном состоянии.

Слегка повернув голову, девушка окинула взглядом тонущую в сумраке комнату: небольшая, но уютная, стены обиты узорчатой тканью, на окнах и двери плотные бархатные портьеры. Сквозь щель в дверной портьере пробивался лучик света, и оттуда доносились приглушенные голоса. Но кто говорил, и о чём шла беседа, непонятно. Затем неожиданно послышался взрыв весёлого женского смеха и звон металла, словно на пол уронили поднос. Элайна вздохнула и поморщилась от боли в груди и голове. Захотелось пить, и она тихо позвала:

– Эй...

Голос звучал хрипло, словно у птицы-падальщика. Её не услышали, и женщины в соседней комнате продолжали хихикать и о чём-то весело болтать.

Элайна с трудом приподняла голову, и увидела рядом с кроватью табурет, на котором стояли кувшин и глиняная кружка. Она протянула руку и сбросила кружку на пол. Но та упала на прикроватный коврик, который приглушил звук падения. Тогда девушка в раздражении ударила по кувшину кулаком. Он был серебряный – звон его падения на каменную мозаику пола мгновенно прервал весёлый разговор двух болтушек. Послышался шелест юбок, и в комнату поспешно вошла пожилая женщина, одетая в строгое чёрное платье. Другая, помоложе, с любопытством заглядывала в дверь, просунув в комнату только голову.

Увидев очнувшуюся девушку, женщина ласково улыбнулась и произнесла по-ассветски:

– С возвращением, госпожа. Мы уже беспокоились, что ваша душа улетела на Небеса, забыв на грешной Аквии бренное тело...

Когда женщина приблизилась, Элайна заметила на ней тонкий серебряный ошейник, и поняла, что это рабыня.

– Воды... – тихо попросила.

– Одну минутку, госпожа!

Рабыня подобрала кувшин и кружку и поспешно вышла в другую комнату. Снова слышались приглушенные голоса,

хлопнула дверь, а через минуту женщина вернулась с полным кувшином и новой кружкой. Напоила девушку, осторожно поддерживая её под голову.

Утолив жажду, Элайна почувствовала облегчение. Начало клонить в сон. Закрыв глаза, тут же провалилась в глубокий сон.

Проснулась ясным днём. Комнату заполнял солнечный свет. Полог кровати был поднят, чтобы девушка могла дышать свежим воздухом, проникавшим через открытое окно. Вместе с лёгким ветерком в помещение проникали изумительные цветочные ароматы, слышался дружный щебет птиц. Портьера, отделявшая соседнюю комнату, была раздвинута, и оттуда доносилось чудесное пение. Нежный женский голос тихо напевал под негромкие звуки аккордо старинную ассветскую балладу о любви рыбачки и ушедшего в поход воина. Элайна не слышала песню прежде, но хорошо знала ассветский язык, и песня её очаровала, несмотря на незатейливый сюжет и простую мелодию.

Её снова мучила жажда, и девушка потянулась к кувшину, стоявшему на табуретке. На этот раз она не стала бросать его на пол, а стукнула несколько раз кружкой о крутой бок кувшина. Звон услышали, и песня прервалась. Появилась уже знакомая рабыня в чёрном. Напоила, поправила подушку и подала плоский горшок, чтобы больная могла справиться естественные нужды.

– Может, госпожа хочет покушать свежего горячего бу-

льончика? – спросила рабыня.

– Нет, – ответила Элайна и закрыла глаза. Она ощущала себя совсем больной, и это ей не нравилось.

– Мне посидеть с вами?

– Нет...

– Тогда я выйду. Если я вам понадобится – дёрните за этот шнурок над головой. В той комнате прозвенит колокольчик, и я приду.

– Хорошо... – ответила девушка, не открывая глаз.

Она чувствовала непреодолимую сонливость и отдалась этому чувству без сопротивления. Болела голова, пересыхало во рту, всё тело ломило, как после напряжённой тренировки.

Через какое-то время пришёл высокий седовласый мужчина, одетый в добротный костюм. Осмотрел девушку с ног до головы, пощупал пульс и заглянул в глаза. Элайна догадалась, что это лекарь, и не сопротивлялась, когда он проделывал с ней разные, иногда болезненные, манипуляции. Закончив осмотр, он присел на край кровати и похлопал пациентку по здоровой руке.

– Всё не так плохо, как я думал. Вы здоровая крепкая девушка... Я ожидал худшего. У вас прочная голова и сильное тело, сударыня. Вам повезло: ушиб головы, пара сломанных рёбер, содранные коленки и порез на ладони – вот и все ваши раны. Будем надеяться, что к свадьбе не останется даже шрамов.

– Разве я выхожу замуж? – удивилась девушка.

– Ну... Когда-нибудь выйдете ведь? – усмехнулся доктор. – Вы ещё молоды и довольно симпатичны... Кстати, сколько вам лет?

– Мне? – Элайна на минутку задумалась. – Кажется, двадцать.

– Вы не уверены?

– Я... Я не помню... Я не знаю, как попала сюда...

– Конечно, не знаете, ведь вы были без сознания. Вас выбросило штормом на берег, где вас подобрала рыбаки, затем перевезли в замок.

– На какой берег? – удивилась Элайна.

– На побережье... Очевидно, ваш корабль утонул, и из всех находившихся на борту спаслись только вы.

– Какой корабль? Как я попала на корабль? И вообще, где я?

Доктор внимательно посмотрел на пациентку и перестал улыбаться.

– Ну, а имя своё вы хоть помните?

– Да... Элайна...

– Откуда вы родом?

– Из Илларии.

В глазах доктора зажёгся тёплый огонек, и он снова заулыбался.

– Какая неожиданность! Я тоже иллариец, – произнёс он по-илларийски.

– Приятно встретить земляка, – так же ответила девушка. – Где я нахожусь?

– В замке лорда Туарийского на острове Туару.

– Это далеко от Илларии?

– Весьма далеко. Но недалеко от Медауса.

– Медаус? – девушка наморщила лоб. – Я не помню, как попала в Медаус.

– А какое ваше последнее воспоминание?

– Башня Невест в замке горного барона... Мне показалось, что я до сих пор там нахожусь.

– Башня Невест? – удивился доктор. – Но тогда...

– Что?

– Нет, ничего... – глаза доктора стали задумчивыми. – Вы не ошибаетесь? Вы точно помните, что находились в Башне Невест?

– Да... Они напали на меня на стоянке. Долго везли горами... Помню замок на скале... Я очень устала, болело всё тело, особенно связанные руки... Я так устала, что мне уже было всё равно, что со мной будет... Меня посадили в башню, и затем ударил колокол... Я была одна в пустой тёмной комнате, легла и уснула... А проснулась здесь.

– По-видимому, от времени вашего поселения в Башне Невест и до нынешнего дня прошло немало времени и произошло много интересных и замечательных событий, которые вы сейчас забыли. Такое случается при сильных ушибах головы, но со временем это явление должно пройти, и вы всё

вспомните.

– Когда?

– Кто знает? Может, через несколько дней, а может, и несколько лет. Могу дать лишь один совет: не насилуйте память и не старайтесь вспоминать. Воспоминания вернутся сами собой и совсем неожиданно. Просто однажды утром вы проснётесь с полными воспоминаниями. Или какое-то незначительное событие, чьё-то слово или жест откроют шлюзы запертых сейчас воспоминаний. Они могут нахлынуть на вас сразу или возвращаться постепенно, по частям.

– Я... думаю... мой отец беспокоится обо мне... Нельзя ли ему послать письмо?

– Я скажу об этом лорду, когда он вернётся. А сейчас вам нельзя волноваться и переживать. Вам нужно много спать, хорошо кушать и поскорее поправляться.

– Я смогу вернуться домой?

– Посмотрим, – уклончиво ответил доктор. – Если вы не поправитесь, то уж точно никуда не вернётесь.

Разговор утомил девушку, и доктор заметил это. Он снова ласково похлопал её по руке и сказал:

– Спице, красавица. Спице и набирайтесь сил. Они вам ещё понадобятся...

Элайна опустила отяжелевшие веки и уснула сразу же, как доктор ушёл.

Глава 2

Выздоровление продвигалось медленно, в основном, из-за сильного ушиба головы. Она часто болела и кружилась, поэтому доктор долго не позволял Элайне покидать постель. Но её самочувствие быстро улучшилось, когда девушка начала подниматься и выходить в галерею, где был разбит искусственный садик с цветущими кустарниками в больших кадках, красивыми разноцветными птицами в просторных клетках, вьющимися пышными лианами, красиво обвивавшими колонны. Помогли этому и несложные гимнастические упражнения, которые Элайна проделывала, оставаясь одна, чтобы вернуть гибкость телу и силу ослабевшим мышцам.

Прошло больше месяца с тех пор, как Элайна впервые очулась в замке лорда Туарийского, а она до сих пор не видела его хозяина. Она вообще не видела никого, кроме ухаживавшей за ней пожилой рабыни по имени Рона и певицы Ины, тоже рабыни, с которыми успела подружиться, да доктора Эдира, который навещал её по долгу службы и просто так, чтобы поболтать на родном языке. Он был свободным, но, по некоторым его высказываниям, девушка поняла, что он не может покинуть остров по собственному желанию и побаивается господина. Это её заинтересовало, так как Рона с Иной тоже боялись хозяина и чего-то недоговаривали, рас-

сказывая о Туару, его законах и обычаях. Элайна уже знала, что на острове царит закон ассветского корабля: любой человек, ступивший на его землю без разрешения, становился собственностью лорда-правителя, и по его личному усмотрению либо обращался в рабство, либо возвращался домой после выплаты назначенного выкупа, либо его казнили, если лорд считал, что этот человек заслуживает смерти. На острове лорд-правитель был и главным судьёй, и верховным жрецом, и вершителем человеческих судеб. Он делал всё, что хотел, и никто не смел оспаривать его решения.

Такая абсолютная власть представляла большой соблазн и грозила опасностью обладателю, и Элайна заподозрила, что попала в руки настоящего чудовища, как в переносном, так и в прямом смысле этого слова. Судя по неполным и неохотным рассказам служанок, лорд обладал каким-то изъяном, так как постоянно носил шлем, закрывавший большую часть лица. Никто из его подданных не видел господина без этого шлема, кроме двух-трёх самых приближённых слуг, но они стойко молчали, потому что тому, кто болтал об уродстве господина, тут же отрезали язык и отправляли на каторжные работы.

Элайна удивлялась столь неоправданной жестокости, её разбирало любопытство, но она не горела желанием встретиться с лордом лично. Судя по тем же неохотным рассказам рабынь, она знала, что, иногда, господин берёт в свою опочивальню одну из девушек, но после этой ночи её никто бо-

лее не видит. Ходили слухи, что утром он убивает бедняжку, или, по другой версии, навсегда заточает в подземных темницах замка.

Беспокойство охватывало Элайну тем сильнее, чем больше восстанавливалось её здоровье, поэтому она начала притворяться больной: часто жаловалась на головные боли, несколько раз притворно упала в обморок. Вначале доктор обеспокоился ухудшением здоровья пациентки, но быстро раскусил обманщицу, и поинтересовался, зачем она это делает.

– Я не хочу стать наложницей вашего господина, – честно ответила Элайна.

– Вам не о чём беспокоиться – лорд не проявляет к вам интереса, – ответил Эдир. – Он ни разу не спросил о вашем самочувствии. По-моему, он даже забыл о вашем существовании.

– Это ненадолго... Когда-нибудь он вспомнит обо мне... И тогда я убью либо его, либо себя.

– Убьёте? – удивился доктор. – Такая юная нежная девушка, по-моему, не способна обидеть даже муху.

– Вы плохо меня знаете, – ответила Элайна, и это была правда. Доктор уже многое узнал о девушке: знал, кто её отец, где находится дом, как она попала в плен к горному барону... Но, повинуясь непонятному импульсу, Элайна скрыла, кто её мать и как прошло детство. Если бы доктор знал, что она дочь виолки, её слова об убийстве не позабавили бы

его. Но Элайна не призналась доброму доктору, что она дочь женщины-воина и сама неплохой боец, решив держать эти знания при себе. Пусть её принимают за девушку из хорошей семьи, слегка наивную и скромную. Возможно, в будущем, это поможет ей бежать с этого ужасного острова.

Хотя Элайна была относительно свободной – могла передвигаться по замку и гулять в саду-галерее (за ней никто не следил, и ей не запрещали делать что-либо), но девушка постоянно ощущала тоску и тревогу, словно запертая в клетке птица. К тому же её одолевала скука. Чтобы хоть как-то развеяться, она попросила Ину научить её играть на одном из музыкальных инструментов. Рабыня принесла киару – небольшой струнный инструмент с приятным звучанием – и начала обучать девушку азам музыки. На удивление, Элайна оказалась способной ученицей, и через две декады смогла сыграть несложную мелодию.

Однажды, увидев, как Рона вышивает какой-то кусок тряпицы, она попросила и её обучить этому искусству.

– Разве ваша мать не научила вас шить, госпожа? – удивилась женщина.

– Нет. Она сама не была обучена этому ремеслу... Моя матушка родом из далёкой страны, чужеземка. На её родине аристократки не учатся никакому ремеслу, за них всё делают слуги и рабы.

– А чем тогда занимаются господа? Целый день спят? – засмеялась Ина.

– У них есть другие занятия, – уклончиво ответила девушка.

Поверили рабыни девушке или нет, но Рона принесла большие напольные пяльцы, шкатулку с иглами и разноцветными шерстяными нитями, и начала терпеливо учить девушку исконно женскому делу. Элайна исколола все пальцы, сердилась, несколько раз бросала это трудное и неприятное занятие, но затем возвращалась и снова садилась за пяльцы. Когда же у неё начало получаться, она даже втянулась. Было интересно наблюдать, как под пальцами, стежок за стежком, шаг за шагом, рождается картина, создаваемая её мыслью и руками. Когда она вышила крошечное панно с изображением цветущей ветки парены, то радовалась, как ребёнок, и гордилась собой, как в тот день, когда с успехом сдала свой первый экзамен по фехтованию.

Прошёл ещё один месяц, а лорд Туарийский, казалось, совсем забыл о своей, то ли пленнице, то ли гостье. Он никак не проявлял заинтересованности, и это радовало девушку. С другой стороны, она беспокоилась об отце, так и не вспомнив, что с ней произошло после похищения и пребывания в Башне Невест. Элайна хотела сообщить отцу, что жива и здорова и с ней всё в порядке. Она постоянно напоминала об этом доктору Эдару, просила, чтобы он помог отправить в Илларию письмо. Но тот отвечал, что письмо можно отправить только с разрешения лорда, а напоминать лорду о своём существовании девушка не хотела.

Но вот пришло время, которого так опасалась Элайна, и лорд Туарийский сам напомнил о себе. Однажды в полдень, в комнаты, которые занимала девушка, пришёл рослый раб и сообщил, что милорд желает видеть госпожу Элайну. Сердце девушки тревожно вздрогнуло, но она не показала вида, что обеспокоена предстоящей встречей с грозным властелином. Рона тоже встревожилась, хотя и постаралась это скрыть. Она захлопотала вокруг девушки, словно наседка возле единственного цыпленка, поправляя то одежду, то причёску. Когда всё было приведено в порядок, она взяла девушку за руку и сказала:

– Я проведу вас, госпожа. Не бойтесь ничего, сиятельный просто хочет с вами побеседовать. Он всегда беседует с... гостями.

Идя по длинным коридорам, Рона, дорогой, объясняла, как нужно себя вести в присутствии господина, как правильно кланяться, что говорить, о чём лучше умолчать. Элайна слушала внимательно и вроде бы спокойно, но внутри вся трепетала от волнения, словно шла на первый поединок, и половина наставлений заботливой рабыни просто не достигла её сознания.

Лорд принял девушку в большом светлом кабинете, высокие окна которого выходили на галерею-сад, где так любила уединяться Элайна, думая, что её никто не видит. Взглянув в одно из окон, она поняла, что его светлость мог видеть пленницу в любое время, сам оставаясь незамеченным. Эта

мысль не добавила девушке оптимизма, а встревожила ещё больше. По-видимому, лорд часто подсматривал за гуляющей Элайной, потому что к окну было придвинуто большое удобное кресло, в котором лорд сидел и сейчас.

Рона и раб остались за дверью, и в кабинет девушка вошла одна. Сиятельный был таким, каким Элайна представляла его по рассказам рабынь и доктора Эдара: высокий, массивный, одетый в изящный костюм из тонкой кожи и меха, украшенный вышивкой и серебряными галунами – костюм не воина, а, скорее, щёголя. На голове блестящий серебряный шлем-маска, закрывавший лицо почти до губ – из-под него виднелись только светлые вьющиеся волосы, спадавшие на плечи, тонкие изящные ноздри, красиво очерченные губы и волевой подбородок. Сквозь прорези маски на девушку смотрели холодные синие ассветские глаза, а губы были плотно сжаты, словно их владелец боялся сказать лишнее слово. Лорд сидел в небрежной позе, вытянув и скрестив в лодыжках длинные стройные ноги, обутые в высокие мягкие сапоги. Руки свободно лежали на подлокотниках, и Элайна невольно обратила внимание на узкие ухоженные кисти с тонкими длинными пальцами – руки потомственного аристократа, а не воина. Вообще, весь облик господина говорил, что он не какой-то там полудикий варвар-вояка с богом забытого острова, а великий правитель, гордый, властный и уверенный, привыкший к повиновению и трепетному подчинению. Он не шелохнулся, когда девушка вошла и неуклюже

поклонилась. Рона советовала ей приблизиться и поцеловать сиятельному руку, но девушка не сделала этого, отчасти из гордости, отчасти из врождённого упрямства.

Целую минуту в комнате длилось напряжённое молчание: лорд внимательно разглядывал девушку сквозь прорези маски, а Элайна с притворным любопытством рассматривала интерьер кабинета, демонстративно избегая взгляда лорда.

Наконец властитель заговорил, и его голос прозвучал сухо и безразлично, как шелест бумаги по шершавому столу:

– Мне доложили, что ваше здоровье окончательно укрепилось, и вы вполне освоились в моём замке. Мне сказали, что вы всем довольны, но хотите отправить письмо отцу. Думаю, сейчас наступило самое подходящее время: завтра в Медаус отправляется корабль. Если вы хотите отправить вашим близким письмо, то садитесь и пишите, – мужчина медленно, словно лениво, поднял левую руку и грациозным жестом указал на столик с письменными принадлежностями, стоявший в глубине комнаты. – Пишите, что хотите, только не забудьте добавить, что, если ваши родственники не заплатят пятьдесят тысяч выкупа, вы навсегда останетесь на Туару.

Сердце девушки упало. Пятьдесят тысяч! Её отцу никогда не собрать такую сумму. Даже если он обратится за помощью к матери Элайны. Вряд ли гордая виолка захочет выручить не оправдавшую надежд дочь, попадающую из одного плена в другой!

– Это очень большая сумма, – тихо произнесла девушка.

– Я даю вам шесть месяцев, – равнодушно ответил лорд. –

Если по окончании этого срока я не получу выкуп, вы станете моей собственностью, сударыня.

В груди девушки внезапно вспыхнула ярость – в ней, наконец, проснулась кровь гордого племени виолок, так долго дремавшая в глубине естества. Она вскинула голову и смело посмотрела в холодные синие глаза.

– Вам от меня будет мало пользы, – с вызовом произнесла она. – Я не стану покорной рабыней и никогда не разделю с вами ложе по вашей прихоти.

– Вы так думаете? – впервые в голосе лорда проявились хоть какие-то эмоции. Сейчас в нём звучала явная насмешка.

– Я в этом уверена, – твёрдо ответила Элайна.

– Мне нравится ваша уверенность, – изящная кисть слегка шевельнулась, хотя всё остальное тело оставалось неподвижным. – Придерживайтесь её и впредь... Так вы передумали писать?

Элайна гордо повернулась и прошла за столик. Её письмо было кратким. Она сообщила, что жива и здорова и находится на острове Туару во владениях лорда Туарийского. Она также написала о сроках и размерах выкупа и закончила выражениями любви и надеждой на возможную встречу.

Когда Элайна закончила письмо и свила бумагу в свиток, лорд, всё время сидевший безмолвно и неподвижно, словно

статуя, произнёс, не поворачивая головы:

– Оставьте его на столе, я сам его запечатаю... Возвращайтесь к себе.

Элайна встала и направилась к двери, но, уже взявшись за ручку, не выдержала и оглянулась. Поза лорда не изменилась ни на йоту, и девушка подумала, что человек, способный так долго не шевелиться, должен обладать недюжинным терпением и огромной выдержкой, а это одни из лучших черт любого великого воина и правителя.

Глава 3

После встречи с лордом прошло несколько дней, но сительный никак не напоминал о себе, словно снова забыл о пленнице. Но Элайна знала, что это не так. Гуляя по саду-галерее, она невольно поглядывала на окна напротив, и её зоркие глаза не раз замечали лёгкое шевеление занавесей или тёмный силуэт в глубине оконного проёма. Лорд продолжал наблюдать за ней, и поначалу это раздражало девушку. В отместку она решила сама проследить за лордом, разузнать некоторые его тайны, и, если повезёт, увидеть его лицо без маски. Теперь девушке пригодились материнские уроки. Пришлось вспомнить и применить на практике способы бесшумного передвижения, засад, маскировки, слежения. Успеху дела способствовало то, что за ней никто не присматривал, предоставив полную свободу в пределах замка. Хотя она не могла сбежать с острова, даже, если бы сумела покинуть замок. К тому же все считали Элайну тихой спокойной девушкой, смирившейся с судьбой и покорно ожидавшей своей участи. Никто не знал о её скрытых возможностях и неженских умениях. Поэтому Элайне было не трудно в полдень или вечером, когда замок словно вымирал, тихо пробираться на половину лорда и осматривать его комнаты, которые совсем не запирались. Делала она это, когда хозяин покидал замок. Слуги в это время тоже разбрелись кто куда, и ей

даже не приходилось особо прятаться.

Она уже два раза побывала в знакомом кабинете и обследовала его вдоль и поперёк. Находившиеся там вещи и книги многое рассказали о вкусах и привычках сиятельного сумевшей сделать выводы из увиденного девушке, но не сказали самого главного: как он выглядит без шлема. В чем проявляется его уродство, о котором рабыни только намекнули. В кабинете не было ни одного портрета лорда – ни большого, ни маленького, отсутствовали и портреты предков или других родственников. Не нашла она и зеркала. Зато обнаружила большой выбор оружия, причём хорошего качества и в дорогом исполнении; книги, написанные на ассветском и илларийском языках, и много морских карт.

Элайна уже знала, что у лорда нет ни гарема, ни танцовщиц-певиц, если не считать её служанки Ины, которая изредка пела для господина, когда у того было подходящее настроение.

Комнаты лорда не утопали в роскоши, как думала Элайна вначале, но и скромными не выглядели. И мебель, и аксессуары дорогие и хорошего качества, оригинального или изящного исполнения, в чём сказывался хороший вкус хозяина. Но нигде, ни в одной из комнат, не нашлось ни единого, даже самого маленького зеркала. Наверное, зеркала отсутствовали во всём замке, так как в комнатах Элайны, несмотря на их роскошь и хорошую обстановку, тоже не было зеркала, поэтому за лицом и причёской девушки следила Рона.

Спальня лорда тоже удивляла. Небольшая комната, окна которой выходили на восток и на юг. Стены обшиты дорогим мраморным деревом с узорной резьбой, потолок разрисован картинами из жизни Праведных Душ в Небесной Обители. Пол выложен мозаичной плиткой в замысловатый геометрический узор. В комнате находился огромный мраморный камин с позолоченной решёткой, возле которого стояло большое удобное кресло, скамеечка-подставка для ног и круглый мраморный столик на одной трёхпалой ноге. Посреди комнаты красовалась большая круглая кровать под узорчатым шёлковым балдахинном, спускавшимся с потолка. Кровать располагалась на невысоком возвышении, которое покрывал толстый мягкий ковёр.

К спальне примыкала небольшая гардеробная, где висели около десятка различных костюмов, а отдельной грудой лежали боевые доспехи – не новые, кое-где помятые, но начищенные и отремонтированные. Значит, лорд не неженка-аристократ, каким казался на первый взгляд, и не раз участвовал в сражениях, о чём говорили вмятины и зазубрины на шлеме, кирасе и щите.

В первый раз Элайна заглянула в спальню лорда днём всего на несколько минут, когда осматривала комнаты, занимаемые сиятельным. Через какое-то время она решила осмотреть её подробнее, и пошла прямо туда, дождавшись, когда лорд покинет замок. Это случилось в один из вечеров, в очень подходящее время: вечерело, служанки Элайны ушли

ужинать на кухню, где ели в компании других слуг. Девушка сказала, что они могут не торопиться, так как она хочет побыть одна и посидеть в саду-галерее. За полчаса до этого в замок прискакал гонец из города, и лорд уехал вместе с ним по каким-то срочным делам. Замок почти опустел, так как все слуги спустились на кухню на общий ужин, поэтому девушка беспрепятственно прошла на половину лорда и проскользнула в его опочивальню.

Благодаря четырём большим окнам, комната хорошо освещалась. К тому же на камине, дожидаясь хозяина, горела одинокая свеча. Девушка снова заглянула в гардеробную, и тут её ждало открытие: в самом дальнем углу, прислонённое к стене и покрытое пылью, стояло зеркало. Очевидно, им изредка пользовались, но очень редко. Ещё в гардеробной стоял большой кованый запертый сундук. Девушке стало интересно, что находится внутри. Она хотела потрясти его и неожиданно позади сундука что-то упало. Заглянув за него, Элайна увидела большой бронзовый ключ. Соблазн оказался слишком велик. Ключ с лёгкостью отпер сундук, и девушка ахнула. В слабом свете свечи, тускло блестя и переливаясь, сверкали сокровища: мужские и женские украшения, дорогие и не очень, из золота и серебра, грубые и изящные, с драгоценными и полудрагоценными камнями, колье, подвески, ожерелья, броши, браслеты, перстни, кольца, серьги и другие вещи, созданные для удовольствия и украшения человека. Девушка невольно залюбовалась игрой лучей света в го-

лубых, зелёных, синих, розовых и красных гранях. Не удержавшись, даже примерила несколько украшений, совсем забыв о времени. Когда она заперла сундук, спрятала ключ на место и вышла в спальню, за окнами совсем стемнело. Элайна забеспокоилась. Наверное, Рона и Ина уже поужинали и, не найдя девушку, подняли тревогу. А Элайна совсем не хотела, чтобы кто-то знал, что она свободно гуляет по замку, особенно в той её части, что не предназначена для посторонних.

Элайна поставила свечу на место и направилась к двери. Но как только она взялась за ручку, как услышала по ту сторону твёрдые уверенные шаги. На миг девушку охватила паника: что сделает лорд, застав её в своей спальне?

Она метнулась назад, желая спрятаться в гардеробной, но на полпути её настигла мысль, что лорд, вернувшись из поездки, скорее всего, пойдёт прямо туда, чтобы переодеться в домашнее. Тогда она бросилась к кровати и успела спрятаться за полог как раз в тот миг, когда лорд открывал дверь. Полумрак помог скрыть лёгкое колебание занавеси, и девушка замерла, стараясь не дышать, и боясь, что учащённое сердцебиение выдаст её укрытие громким стуком в груди.

Она слышала шаги лорда, и в узкую щель неплотно сдвинутых половинок полога могла видеть его высокую массивную фигуру, когда он проходил мимо.

К огорчению девушки, лорд не пошёл в гардеробную, а прошёлся несколько раз по комнате, поправил шторы на ок-

не и зажёл камин. Затем уселся в кресло и вытянул ноги в излюбленной позе. Когда в комнате всё стихло, Элайна осторожно выглянула в щель и увидела, что лорд сидит вполоборота, расслабленно откинувшись на спинку кресла и положив ноги на скамеечку. Огонь свечи и разгорающееся пламя камина зловеще отсвечивали на полированном шлеме.

Но вот мужчина шевельнулся, медленно поднял руки и взялся за шлем. Элайна даже дышать перестала. Неужели сейчас произойдёт то, о чём она мечтала, но не надеялась увидеть?

Лорд медленно снял шлем и встряхнул головой, распушив придавленные волосы. Положив головной убор на мраморный столик, вновь откинулся на спинку кресла, закрыв глаза. Света свечи и пламени в камине вполне хватало, чтобы рассмотреть лицо сиятельного во всех подробностях. Нельзя сказать, что оно было ужасно. Просто вся верхняя часть – лоб, кожа вокруг глаз и часть щёк – покрывали бледные рубцы от старых ожогов. Они, конечно же, уродовали, в общем-то, правильное и, можно сказать, красивое, если бы не шрамы, лицо мужчины. Рубцы выглядели отталкивающе – но только на первый взгляд. Если присмотреться к ним какое-то время, то можно привыкнуть.

Элайна жадно смотрела на прекрасно-уродливое лицо, и в душе её невольно рождалась жалость к этому одинокому, сильному, мужественному и неуверенному человеку. Как он получил этот ужасный ожог, спаливший пол-лица, и кто на-

нёс ему столь глубокую душевную травму, что он стал прятать от посторонних не только лик, но и душу? Эти два вопроса невольно пришли на ум девушке, но, скорее всего, она никогда не получит на них ответа.

Лорд вновь шевельнулся, потёр лицо ладонями и выпрямился. Взгляд бесцельно оббежал комнату, на миг задержавшись на кровати, и девушку поразила глубокая печаль, таившаяся в доселе холодном и равнодушном взгляде сиятельно-го. Это были глаза глубоко несчастного человека, а не все- сильного лорда, повелителя с неограниченной властью.

Он провёл ладонью по густым светлым волосам, распу- шивая кудри, и вновь откинулся на спинку кресла, полупри- крыв глаза. Прошло ещё несколько долгих томительных ми- нут. У Элайны от долгого, напряженного и неподвижного стояния заболело всё тело, но она терпеливо ждала, боясь обнаружить себя, и наблюдала за лордом сквозь щель в по- логe.

Вдруг в дверь тихонько постучали и лорд, не меняя позы, спросил:

– Кто там?

– Я, сиятельный, – послышался голос раба.

– Входи.

Слуга вошёл и с поклоном доложил:

– Ванна готова, сиятельный.

– Возьми чистую одежду и ступай. Я сейчас подойду...

Передал?

– Да, сиятельный.

– И что она сказала?

– Я её не видел, отдал служанке.

– Хорошо...

Слуга прошёл в гардеробную и вернулся через минуту, неся подмышкой ворох чистой одежды. Когда за ним захлопнулась дверь, лорд встал, потянулся до хруста костей, поворошил в камине дрова, чтобы лучше горели, раздвинул шторы на одном из окон, выходявшем на восток, и поднял раму, впуская в комнату свежий ночной воздух. После этого направился к двери, и девушка с облегчением вздохнула. Лорд вышел, и вскоре его шаги затихли вдали.

Элайна осторожно выскользнула из-за полога, прокралась к двери на цыпочках и прислушалась. Снаружи было тихо. Приоткрыв дверь, выглянула и бесшумно скользнула в сумрак коридора.

Незамеченная, вернулась к себе и пробралась на галерею, спрятавшись в тихом тёмном уголке, за кадкой с пышным кустом парены. Тут она просидела некоторое время, пока не успокоилась окончательно и не привела в порядок мысли. Здесь её и нашла Рона, и начала ругать за то, что она не съела ужин.

– Сиятельный привёз вам из города подарок, и просил передать с наилучшими пожеланиями. Идёмте, госпожа, это чудесная вещь! Я хочу, чтобы вы его сейчас же примерили!

Заинтригованная, девушка поспешила за рабыней. На

столике в передней комнате стоял поднос с остывшим ужином, а на стуле рядом лежало великолепное атласное платье, с расшитой мелким жемчугом кокеткой, манжетами и подолом. Бледно-жёлтого цвета, оно напоминало блеск золота высшего качества. Элайна с удовольствием облачилась в эту красоту, с наслаждением ощущая кожей нежность прекрасного атласа. Оглядывая себя, насколько позволяла вытянутая шея, девушка посетовала:

– Жаль, у меня нет зеркала... Без него я не могу оценить подарок по достоинству.

– Поверьте, госпожа, вы выглядите, как королева! – с восхищением произнесла рабыня.

– Я хочу видеть это своими глазами, – капризно ответила Элайна.

Она подняла юбку и посмотрела на ноги, обутые в простые лёгкие сандалии.

– Мне кажется, к этому платью не хватает соответствующих туфелек, – сказала она.

– Вы правы, госпожа, – согласилась Рона. – Сандалии не подходят к этому чудесному платью.

– Я не надену его, пока у меня не будет туфелек, – решительно заявила девушка и начала раздеваться. – Повесь его в шкаф и поблаговари сиятельного от моего имени.

– Думаю, вы и сами можете это сделать, – осторожно ответила рабыня.

– Нет... Я боюсь лорда, – солгала девушка. – Его шлем

пугает меня.

Глава 4

По-видимому, Рона передала лорду слова девушки относительно платья и туфелек, потому что через пару дней к девушке пришёл из города сапожник, снял с ноги мерку, и спустя несколько дней лорд прислал ей новый подарок: прекрасные туфельки из жёлтой мягкой кожи, украшенные золотыми бабочками. Элайна обула туфельки, прошлась в туда-сюда и велела положить в шкаф к платью.

– Сиятельный просил, чтобы сегодня вечером вы надели платье и туфельки, – сказала Рона.

– Зачем? – насторожилась девушка.

– Не знаю, – пожалала плечами рабыня и отвела глаза. Возможно, она и не знала намерений хозяина, но явно догадывалась.

– Передай сиятельному, что я не надену платье, пока не получу к нему соответствующих украшений, – отрезала Элайна.

Рабыня с удивлением посмотрела на девушку – до сего момента госпожа никогда не капризничала.

Рона ушла и передала лорду пожелание Элайны, и через час его личный прислужник принёс шкатулку с драгоценностями, в которой лежал полный комплект: жемчужная сеточка для волос, серьги, кольцо, браслеты и несколько колец на выбор.

У Элайны не осталось иного выхода, как надеть платье, туфельки, драгоценности, и выполнить приказ лорда. Рона провела её в комнату, где раньше она занималась музыкой, вышивкой или играла со служанками в нехитрые игры, когда ей было скучно. Сейчас здесь стояло множество зеркал, в которых Элайна смогла рассмотреть себя со всех сторон. Девушка не смогла больше придумать причин, чтобы оттянуть встречу с господином.

Примерно через час пришёл слуга и сказал:

– Если у госпожи Элайны больше нет требований к сиятельному, то её ждут.

Сердце девушки затрепетало. Настал тот момент, которого она боялась и страшилась больше всего: лорд, наконец, обратил на неё внимание и зовёт на ложе. Но сейчас у неё не было иного выхода, как покорно последовать за слугой. Элайна решила не предпринимать ничего до последнего момента, а там будь, что будет.

Однако слуга повёл девушку не в спальню, как она предполагала, а в личную трапезную господина. Здесь уже ждал накрытый столик на две персоны: сладости, фрукты, вино. Лорд облачился в костюм, не уступавший по роскоши платью девушки. Вместо шлема лицо скрывала бархатная маска, прикрывавшая изуродованную часть. Вежливо поприветствовав гостью, лорд произнёс:

– Мне показалось, что вы страдаете от одиночества, так как лишены достойного вас общества, поэтому я решил при-

гласить вас на ужин. Но мне передали, что вас пугает вид моего шлема, поэтому сегодня я его не надел... Надеюсь, эта маска не вызывает у вас никаких отрицательных эмоций?

– А зачем вы, вообще, закрываете лицо? – прикинулась простушкой Элайна. – Разве вы преступник, скрывающийся от правосудия?

Лорд тихо засмеялся.

– На Туару я и есть правосудие. Здесь мне некого бояться... кроме себя самого.

– Тогда почему бы вам не снять эту маску? Я не могу смотреть на безликое лицо – это отталкивает и внушает страх.

Лорд перестал улыбаться. Его губы вновь крепко сжались, а глаза стали холодными.

– Может быть, когда-нибудь, я и сниму эту маску... Для вас. Но молитесь своим богам, чтобы это время наступило не скоро...

Холодный тон произнесённых слов у любой другой отбил бы охоту продолжать разговор на эту тему, но Элайна, всё же, рискнула спросить:

– Почему не сделать это сейчас? Зачем ждать?

– Сударыня, по-моему, вы напрашиваетесь на неприятности, – ледяным тоном произнёс лорд, и его глаза сверкнули гневом. – Вы меня провоцируете?

– Да, я вас провоцирую! – с вызовом ответила девушка. – Я хочу видеть лицо человека, чьей пленницей невольно стала, чьей рабыней, быть может, стану через несколько меся-

цев. И если вы хотите провести со мной этот вечер и, возможно, предстоящую ночь, то откройте своё лицо и покажите его, как мужчина, не прячьтесь за маской, как маленький мальчик за маминой юбкой!

Высказав то, что лежало на душе, девушка сама испугалась дерзости произнесённых слов. Так с лордом, по-видимому, не разговаривал ещё никто, потому что челюсти его сжались с такой силой, что на скулах заходили желваки, а губы побледнели от ярости и сдерживаемого гнева. Он стремительно приблизился, и Элайна невольно отшатнулась – ей показалось, что тот сейчас её ударит. Но сиятельный положил ей на плечи изящные ладони и заглянул в глаза. В глубине его зрачков прятались тщательно скрываемая боль и сдерживаемая ярость. Голос звучал сухо и безжизненно, как в первую их встречу:

– Моё лицо видят только самые близкие слуги. Вы готовы войти в их круг?

– С удовольствием... Но в качестве кого? Прислужницы, горничной, кухарки?

– Для этого у меня есть Адрис... Но вы могли бы мне прислужиться в другом качестве... – руки лорда соскользнули с плеч девушки, мягко скользнули по спине и остановились на ягодицах, слегка их сжав. – Вы очень красивая девушка и, если только пожелаете, я осыплю вас подарками, ещё более роскошными, чем те, которые надеты на вас...

Элайна взяла блудливые руки и решительно оторвала от

своего тела. Твёрдо глядя ему в глаза, ответила:

– Нет, для такой службы я не гожусь... А вот для этой подхожу как раз!

С этими словами, сделав умелую подсечку, ловко перебросила лорда через себя. Бросок получился таким хорошим, что девушка даже удивилась, ведь давно не тренировалась.

Лорд отлетел в угол комнаты и грохнулся на пол, как мешок, набитый тряпьем. Несколько секунд он ошеломлённо лежал, приходя в себя, затем легко вскочил на ноги. Повернувшись, удивлённо произнёс:

– Ловко у вас вышло... Где вы этому научились?

– Мой отец капитан отряда сопровождения, бывший королевский мечник... Он меня обучил кое-каким приёмам, чтобы защищать себя от нахалов.

– Ах, вот как! – с улыбкой произнёс лорд. – Тогда это меняет дело... Я снимаю своё предыдущее предложение, но всё же надеюсь с вами поужинать.

– А я не отказываюсь от своего предложения, – не поддержала шутливого тона Элайна. – Снимите маску, если хотите, чтобы мы стали друзьями.

– Вы думаете, мы можем стать друзьями?

– С врагом я не сяду за один стол.

– Принципиально, но неразумно.

Лорд подошёл к камину, постоял, глядя на огонь, а затем рывком сорвал маску и повернулся. Его глаза внимательно

смотрели на девушку, ожидая её реакции. Неизвестно, как бы отреагировала на увиденное Элайна, если бы не видела этого раньше. Но она знала, что скрыто под маской, и в этом было её преимущество. Посмотрев на лицо лорда, спокойно произнесла:

– Я ожидала худшего... Думала, что увижу монстра, а вижу только небольшие шрамы, которые, конечно же, не украшают, но и не делают вас настолько уродливым, что стоит этого стыдиться и надевать маску... Во всяком случае, при мне.

В глазах лорда появилось какое-то выражение, которое девушка не смогла растолковать. Он глухо спросил:

– Разве вам не противно на меня смотреть? Разве это лицо не отталкивает?

– Нисколько. Поверьте, милорд, я видела лица намного уродливей, а шрамы намного страшнее... Если бы я каждый раз брезгливо отворачивалась, то не была бы дочерью своего отца. Вы вполне симпатичный мужчина... когда не изображаете бездушного тирана, – закончила с улыбкой.

Лорд приблизился, наклонился к самому лицу девушки и, заглянув в тёмные глаза, тихо спросил:

– А вы смогли бы разделить со мной ложе не за блага или по принуждению, а добровольно и по любви?

Вопрос был задан таким тоном, что Элайна поняла – от её ответа зависят их будущие отношения, а, возможно, даже её жизнь.

Секунду она, молча, смотрела в холодные требовательные глаза, затем подняла руку и осторожно коснулась шрамов. Ладонь мягко скользнула по лицу мужчины и замерла на губах.

– Если я полюблю человека, – тихо ответила, – мне будет неважно, как он выглядит: молод он или стар, красив или безобразен. Для меня он будет самым лучшим из мужчин, и я с удовольствием отдам ему себя: своё тело и свою душу... Но я ещё не встретила человека, который бы попытался разбудить в моей душе любовь. Почему-то все хотят только моего тела... И вы тоже, милорд.

Лорд сильно сжал ладонь девушки и отвёл от своего лица.

– Нет, я не хочу вашего тела... Я хочу вашу душу... Я знаю, что у меня мало шансов, но я попытаюсь... А сейчас, прошу прощения, оставьте меня одного... Извините за несостоявшийся ужин...

– Спокойной ночи, сиятельный, – вежливо поклонилась девушка.

– Спокойной ночи, сударыня, – отворачиваясь, глухо ответил лорд.

Элайна вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Столь скорое возвращение госпожи и удивило, и обрадовало Рону. Она засуетилась, помогая ей раздеться, сгорая от любопытства, но не осмеливаясь расспрашивать. Элайна, несмотря на страдания рабыни, не произнесла ни слова и, молча, ушла к себе.

Глава 5

Несколько дней лорд не давал о себе знать, словно вновь позабыв о девушке. Но затем неожиданно Адрис – его личный слуга – принёс Элайне ещё один подарок: бархатные шаровары, расшитый шёлковыми нитями камзол, сапоги из тонко выделанной кожи и круглую шапочку, украшенную серебряной брошью и мягким пышным белым пером. Слуга сказал, что сиятельный просит её одеться и прийти к нему в кабинет.

Лорд встретил её, сидя в своём любимом кресле в излюбленной позе. Посмотрев сквозь прорези шлема, произнёс:

– В этом costume вы выглядите ещё очаровательней, чем в платье... Как вы себя чувствуете, сударыня?

– Хорошо, – коротко ответила девушка, не зная, чего ждать от этой встречи.

– Голова не кружится?

– Нет.

– Тогда вы не откажетесь совершить небольшую верховую прогулку в моём обществе?

– С удовольствием составлю вам компанию, милорд, – с радостью согласилась девушка.

– Я хочу показать вам окрестности замка. Здесь встречаются очень живописные места.

– С радостью посмотрю на них.

– Ничего, если я буду в шлеме? Я знаю, его вид неприятен вам, но без него я не появляюсь перед подданными. Они уже привыкли к нему, и вряд ли воспримут меня в ином облике.

– Я тоже привыкну к нему, милорд... Я удовлетворила своё женское любопытство и теперь ваше закрытое лицо не тревожит меня.

– Я ценю вашу сдержанность, сударыня. И рад, что вы никому не рассказали о том, что увидели под маской.

– Я знаю, что вы не желаете огласки, и уважаю ваше желание. Вы господин и хозяин этого дома, а я здесь всего лишь гостья и пленница, пользующаяся вашими милостями. Я не собираюсь нарушать установленных вами правил.

– Мне приятна ваша покорность, но я не хочу, чтобы вы чувствовали себя пленницей. Вы моя гостья. Пока, во всяком случае...

– Как пожелаете, сиятельный, – послушно склонила голову девушка.

Элайна сама удивлялась своей покорности, но сегодня у неё не было настроения спорить с лордом. Глядя на блестящую полированную поверхность шлема-маски, она видела изуродованное шрамами лицо и вспоминала глубоко несчастный взгляд, которым лорд смотрел в никуда, сидя в одиночестве и пустоте своей опочивальни. Она понимала, что вся его холодность и отчуждённость всего лишь защитная реакция израненной души, желающей любви и понимания, но натыкающейся на отвращение и неприятие в глазах

женщин, когда он открывал им своё лицо. Когда лорд медленно и грациозно встал и приблизился, когда она почувствовала запах его тела и ощутила тепло ладони на своей руке, ей вдруг захотелось прижаться к его широкой груди и утешить, как маленького ребёнка. Этот внезапный порыв удивил и даже испугал девушку, не склонную, в общем-то, к сентиментальности.

– Идёмте, сударыня? – спросил лорд, взяв её за руку.

– Да, милорд, – встрепенулась девушка и слегка зарделась от смущения, словно девочка, застигнутая за предосудительным занятием.

– О чём вы только что думали? У вас был такой странный взгляд, когда вы смотрели на меня. Мне даже стало неловко. Элайна зарделась ещё больше.

– Позвольте не отвечать, милорд... Не все женские мысли должны знать мужчины, иначе они возгордятся...

– Конечно же, вы можете не отвечать. Простите, если мой вопрос смутил вас.

Лорд замолчал и до самого выхода из замка не проронил ни слова. Девушка изредка поглядывала на его твёрдо сжатые губы, но по ним нельзя было определить, о чём думает сиятельный.

Во дворе их ждали две лошади: большой сильный мерин лорда тёмно-гнедой масти и светлая кобылка для девушки.

Элайна снова удивила лорда, отказавшись от помощи услужливо подставившего согнутую спину раба, и легко

вскочившая в седло, даже не касаясь стремени. Её уверенная и твёрдая посадка говорила, что седло для неё так же привычно, как стул в комнате. Лёгкой рысью они покинули замок и, проехав немного по дороге, свернули на еле заметную тропинку, ведущую в горы. Сначала она петляла среди невысоких, поросших жёсткой травой и редким чахлым кустарником склонов. Судя по тому, как уверенно, почти без понуждения седока, шёл конь лорда, этот путь был ему хорошо знаком.

Через пару кемов тропинка нырнула в узкое тёмное ущелье, полускрытое завесой из вьющихся лианок. Проехав его, они оказались на широкой поляне, покрытой изумрудной травой и пёстрым ковром из цветов. Лорд придержал коня, оглянулся на спутницу и спросил:

– Видели вы более очаровательное место, чем это?

Элайна вынуждена была признать, что не видела. Она, конечно же, видела много красивых и очаровательных уголков Ледеберга, но в этой поляне присутствовало особое очарование. Цветы так гармонично подобраны по цветовой гамме, что трудно поверить, что эта поляна возвращена самой природой, а не засеяна руками искусного садовника. Воздух, в этом закрытом со всех сторон месте, был неподвижен и благоухал пьянящими запахами и дурманящими ароматами, пестрел роями разноцветных, порхающими над цветами, насекомых. И ещё в воздухе слышался лёгкий хрустящий звон. Когда девушка спросила, откуда он доносится, лорд указал

на серебряную нить ручейка, невидимо струящегося среди растений. Он петлял по всей поляне, наполняя воздух прохладой и нежным журчанием.

Покинув райскую полянку, они проехали по ущелью, выехали на покрытые тенистым лесом склоны, и через несколько кемов подъехали к огромной скале, расколотой надвое. К расщелине пришлось подниматься по скользкой под копытами коней осыпи. Перед расщелиной лорд спешил и привязал коня к суку искривленного засохшего дерева, росшего у подножия скалы.

Расщелину с двух сторон затеняли густые заросли, через которые пришлось продираться. Пройдя через неё, как через узкие ворота, лорд и девушка оказались по другую сторону горы, и Элайну поразил открывшийся вид. Острые утёсы, между которыми простирались живописные лужайки с купами цветущих кустарников, окружали озеро с тёмно-зелёной, прозрачной до самого дна, водой. Там, где скалы подступали к воде, с одной лужайки на другую вели выбитые в камне узкие дорожки. Тут и там темнели вымытые водой гроты. Это были очаровательные уголки, куда никогда не проникал зной, а зеркальная поверхность воды манила всякого смотрящего на неё освежиться. Глубокая тишина говорила о том, что в этом месте не было никого, кроме них двоих.

– Это моё любимое место, – тихо произнёс лорд, глядя на озеро. – Я часто тут бываю, купаюсь и загораю... Здесь нет никого: ни человека, ни зверя. Желаете отдохнуть после

утомительной дороги, госпожа Элайна?

Девушка бросила на спутника короткий взгляд и ответила:

– Если здесь никого нет, снимите ваш шлем. В нём, вероятно, жарко и душно.

– Совершенно верно, сударыня.

Мужчина снял шлем, встряхнул волосами и зашагал к озеру, не оглядываясь. Элайна последовала за ним.

Лорд подошёл к самой воде, где, на берегу, лежал длинный плоский камень, похожий на широкую скамью или низкое ложе, сбросил с плеч плащ и постелил на шершавую тёплую поверхность. Положив рядом шлем, сел, вытянув ноги и откинувшись на заведенные за спину руки, закрыл глаза и подставил лицо лучам послеполуденного солнца.

Элайна приблизилась и остановилась рядом. Глядя на зеркальную гладь озера, она вдруг ощутила какое-то беспокойство. Что-то смутно знакомое показалось ей в этом пейзаже, но как она ни старалась определить, что именно, не могла вспомнить ничего, кроме зеркальной поверхности окружённого зелёными склонами горного озера.

Внезапно ей захотелось искупаться. Лорд всё так же сидел, запрокинув голову, и, казалось, дремал. Рядом находилась невысокая скала, окружённая густыми зарослями оули. Элайна спряталась за камнем, разделась до нижнего белья и вошла в воду. Дно круто понижалось, покрытое мелким серым песком. Вода была тёплой и мягкой. Девушка нырнула

и поплыла под водой. Открыв глаза, увидела заросли тёмных водорослей на дне и стайки серебристых рыбок, мелькавших в глубине.

Элайна вынырнула далеко от берега, отдышалась и взглянула на берег. Лорд сидел всё в той же позе, грея лицо на солнце. Она подняла руку и крикнула:

– Милорд, не желаете присоединиться ко мне?

Лорд поднял голову и посмотрел на озеро. Далек от берега он увидел резвящуюся в воде девушку, словно богиню вод, ныряющую в зелёных волнах. Несколько минут с любопытством наблюдал за ней, затем встал и начал раздеваться, оставшись в одних узких панталонах. Пропорционально развитое тело бугрилось мышцами, перекатывавшимися под гладкой здоровой кожей. Собрав на затылке длинные волосы, стянул их ремешком, шагнул в воду и резко нырнул, вынырнув уже около девушки. Он появился снизу, из глубины, так, что Элайна не заметила его приближения. Лорд чувствовал себя в воде так же уверенно, как и девушка, если не лучше. Шутя, обрызгал её и тут же нырнул, казалось, даже не успев перевести дух. Элайна нырнула следом, пытается догнать наглеца, но лорд ловко уворачивался. Они резвились в воде, как две выдры, то появляясь на поверхности, то снова исчезая в глубине. Гибкое сильное тело лорда под водой казалось телом молодого бога, и девушка невольно залюбовалась его лёгкими уверенными и изящными движениями, струящимися светлыми волосами, перекатывающимися-

ся под кожей мускулами. Когда случайно дотрагивалась до его атласной кожи, её охватывало непонятное возбуждение, а сердце сладко сжималось.

Они игрались, как дети, ныряя и плескаясь, гоняясь друг за другом, брызгаясь водой, догоняя и убегая. Элайна веселилась, как никогда не веселилась в своей жизни. Её звонкий беззаботный смех и простой девичий визг нарушил вековую тишину горного озера, разносясь окрест и отбиваясь эхом от окружающих озеро скал.

Элайна плескалась, пока не устала и не замёрзла, и лишь тогда повернула к берегу. Лорд плыл рядом, поглядывая на девушку смеющимися глазами, и в эту минуту был похож не на грозного властелина, а на беззаботного мальчишку, убежавшего из дома ради забав и развлечений. Вечно сжатые губы улыбались, холодные глаза прояснились и повеселели, а шрамы, казалось, поблёкли и не бросались в глаза, как прежде.

Элайна, еле переставляя ноги, вышла на берег и хотела тут же упасть на траву, но лорд взял её за руку и подвёл к расстеленному на камне плащу.

– Здесь, Элайна, – сказал, впервые назвав её по имени.

– Он промокнет, – возразила девушка.

– Ничего. Зато здесь тепло и чисто.

Девушка не стала спорить и растянулась на тёплом камне, согреваемая жаркими лучами солнца. Лорд прилёг рядом.

Некоторое время они безмолвно наслаждались отдыхом и

теплом, чувствуя, как прогреваются тела и сохнет одежда.

Спустя какое-то время лорд перевернулся на спину и заговорил:

– Вы очень необычная девушка, Элайна. У меня ещё никогда не было таких пленниц... Простите, я забыл, что вы лишь гостья.

– И много их было? – поинтересовалась девушка.

– Иногда шторм выбрасывает на наши берега корабли, на которых есть живые люди. Среди них часто попадаются женщины: старые и молодые, красивые и не очень... Но все они ведут себя одинаково: боятся, стараются угодить, рыдают и с тоской ожидают освобождения.

– А я разве не такая? Я тоже боялась вас... Вы умеете внушить людям страх. И я тоже с нетерпением жду освобождения. Я тоже покорна и желаю вам угодить...

– О нет, Элайна, вы не покорны. Может, вы чего-то и опасались вначале, но боялись не меня, а насилия с моей стороны. А когда поняли, что я не собираюсь вас ни к чему принуждать, успокоились окончательно... Вас даже не испугало моё лицо, вызывающее отвращение у других женщин. Ваша покорность – лишь дань вежливости, и я уверен, что если поведу себя грубо, то получу достойный отпор. Разве не так?

– Вы очень проникательны, милорд.

– Когда мы наедине, можете называть меня по имени – Флорас.

– Какое красивое имя! Кто вам его дал?

– Мама... – Лорд горько усмехнулся. – В детстве я был очень красивым ребёнком.

По-ассветски «флорас» означало «прекрасный цветок». По-видимому, юный лорд, в самом деле, был очень хорошеньким младенцем, если мать дала ему такое необычное для мальчика имя.

Элайна приподнялась и посмотрела лорду в лицо. Он лежал с закрытыми глазами и не заметил движение девушки. Минуту Элайна разглядывала бугристые шрамы, которые впервые видела так близко, поэтому могла рассмотреть их во всех подробностях. Но их вид не вызвал у неё ни неприязни, ни отвращения. Может, и правда, причиной её терпимости было необычное воспитание?

– Если это не тайна и если воспоминания не причинят вам боли, расскажите, как вы получили это... ранение.

– Ранение? – губы лорда искривила горькая улыбка. – Вы так красиво выразились... Только это не ранение, а метка чужой зависти и злобы... У моего отца были две супруги: старшая, моя мать, а вторая её младшая сестра, на которой он женился спустя пять лет после первой свадьбы. Моя мать несколько лет не могла забеременеть, а тётка сразу родила супругу сына, моего брата Керина. Так захотели боги, что Керин родился похожим на своего дедушку, отца обоих сестёр, а мой отец был не в ладах с тестем. Не знаю, что они там не поделили, только между ними произошла жесточайшая ссора, и мой отец – лорд и повелитель Туару – изгнал

тестя с острова. Моя мать во всём поддерживала супруга, так как беззаветно его любила, а тётка была более предана отцу. Поэтому, когда родился я, вобравший в себя лучшие черты обоих родителей, отец всю свою любовь отдал мне, обделив вниманием старшего сына, чем вызвал его лютую ненависть ко мне... Однажды – мне тогда было года три, а Кериму семь – мы играли в большом зале у камина. Дело происходило зимой, и камин топился. Я чем-то рассердил Керина, он вспылил и толкнул меня в огонь. Я упал лицом прямо в горящие угли. На мои перепуганные вопли сбежались слуги, вытащили из пламени и тут же отнесли к лекарю. Благодаря его знаниям и прилежанию я остался жив, но шрамы навсегда изуродовали моё лицо. С тех пор все дети в замке и за его пределами начали называть меня Меченым, а Керин дразнил Жареным. Родителям он сказал, что я поскользнулся и сам упал в камин. Но, несмотря на юный возраст, я всё помнил. Я на всю жизнь запомнил его перекошенное злобой лицо, когда он толкал меня в огонь. Оно преследовало меня в бреду, и долгие годы снилось в ночных кошмарах. Я возненавидел Керина так же сильно, как и он меня. И когда умер наш отец – мне тогда исполнилось пятнадцать, а Керину девятнадцать – я вызвал его на поединок, и, несмотря на то, что он был старше и сильнее – убил. Я сбросил его тело в море, с высокой скалы, отправив на съедение рыбам и морским змеям, не желая, чтобы его подлая душа последовала в Небесную Обитель вслед за отцом. Затем вернулся в замок и предложил

тётке либо отправиться вслед за своим сыном, либо навсегда покинуть остров. Моя мать умерла за год до этих событий – да примут Небеса её душу! – и я остался единственным и полноправным правителем Туару. Солдаты присягнули мне на верность, так как своим поступком я показал, что не беспомощный юнец, а мужчина и воин. Я был жесток и беспощаден, ибо только так мог утвердить свою власть и доказать людям, что я их настоящий господин и повелитель. Прошло два года, пока до всех дошло, что я лорд Туарийский, а не сопливый выскочка и безмозглый щенок... Я был богат, юн и обладал неограниченной властью, но ни одна девушка по собственной воле не хотела стать моей женой. В их глазах я видел страх и отвращение, и в сердце моём рождались ответное презрение и ненависть. Я брал их силой или покупал за деньги, спал с ними, а затем продавал, как рабынь, на проходящие корабли... Но и это уже наскучило мне. Я больше не хочу любви по принуждению. Я молю богов лишь об одном: чтобы они послали мне женщину, которую не оттолкнёт моё уродство, которая, за некрасивой внешностью, разглядит мою душу, способную и желающую любить и быть любимым. Если такая женщина согласится стать моей женой добровольно, а не из страха или корысти, я брошу к её ногам всё – богатства, душу, людей, остров...

Лорд замолчал, молчала и Элайна, потрясённая исповедью. Скрытое страдание, которое она услышала в голосе лорда, тронуло её сильнее, чем сам рассказ. Повинуясь внутрен-

нему порыву, она протянула руку и провела ладонью по лицу мужчины.

– Я надеюсь, боги услышат ваши молитвы и пошлют вам такую женщину в самое ближайшее время.

Не открывая глаз, лорд поймал руку девушки и поднёс к губам. Нежно поцеловав, прижал к своей груди.

– Мне почему-то кажется, боги уже услышали мою молитву и послали мне то, что я просил... – тихо ответил он.

Глава 6

После той знаменательной поездки на горное озеро, сблизившей их больше, чем месяцы проживания в замке, прошло пять декад. Элайна и лорд теперь встречались чаще: вместе обедали или ужинали, выезжали на озеро или просто на верховые прогулки в окрестностях замка, а однажды лорд взял её в инспекционную поездку по острову. В одном из селений лорду доложили, что шторм выбросил на берег повреждённый пиратский корабль. Почти вся команда уцелела и совершила нападение на селение, убив нескольких мужчин и забрав с собой женщин. Затем пираты ушли в горы, и никто не знал, где они укрылись.

Лорд, не став дожидаться подкрепления из замка, решил преследовать разбойников, попросив девушку дожидаться его возвращения в селении. Но Элайна категорически ответила, что ни за что не пропустит такое развлечение.

– Убивать разбойников моё ремесло, ведь я дочь капитана отряда сопровождения. Поверьте, мой лорд, я ещё смогу вас приятно удивить.

– Битва – не женское дело, – возразил лорд.

– Вот тут я могу с вами поспорить, но лучше промолчу... Поговорим об этом позже, с вашего позволения. Дайте мне оружие и позвольте сопровождать вас в этой поездке, и если я не справлюсь, то обещаю сидеть у пьальцев до конца моего

срока.

У старосты селения нашёлся выловленный когда-то из моря стальной шлем, Флорас поделился с девушкой запасным мечом и щитом, и отряд двинулся по следам разбойников вглубь леса. Здесь Элайна смогла проявить свой талант следопыта, развитый во время бегства от барона Хаскетта: она безошибочно вела отряд по следам пиратов. Они привели их к глухому ущелью, где пираты разбили лагерь. Разбойников оказалось больше двух десятков, а преследователей только двенадцать, считая лорда и девушку. Если бы они забаррикадировались в ущелье, то выбить их оттуда оказалось бы трудной, а то и непосильной задачей. Но пираты, понадеявшись на численное превосходство, нагло бросились в атаку. Хорошо тренированные, но неопытные воины, сначала потерялись, но, следуя за господином и беря пример с его подруги, вдохновились и решительно вступили в бой.

Элайна сражалась с умением и хладнокровием истинной виолки – заученные ещё в детстве и отработанные до автоматизма навыки пригодились сейчас, как никогда. Её умение владеть мечом превосходило сражавшихся на тесной поляне воинов. Удары быстрее и точнее, движения выверенные и лишённые излишней суеты. Её меч обогрился вражеской кровью одним из первых. Когда кобылку ранили, она спешила и дралась с ещё большим умением и ожесточением, чем раньше. В драке участвовали не только её меч или щит, но и руки, ноги, даже голова. Тело, поддерживаемое ежедневны-

ми утренними упражнениями, не утратило гибкости и силы, и она показывала чудеса ловкости и координации движений. Особенно хорошо получались удары ногами, которыми девушка пользовалась с особым удовольствием.

Спустя полчаса почти все пираты погибли или получили раны, а оставшихся в живых взяли в плен. После боя лорд подошёл к забрызганной чужой кровью девушке, долго смотрел на неё сквозь прорези маски, а затем сказал:

– Я видел разных бойцов, но никогда не встречал такой необычной техники боя. Только не говорите мне, что этому тоже научил вас отец. Если бы королевские мечники умели так владеть своим телом, то проблема вальдо в Илларию давным-давно бы разрешилась.

Элайна давно подметила, что, несмотря на то, что Флорас правил уединённым островом, куда только изредка заходили случайные корабли, он прекрасно разбирался во многих вещах и знал много такого, чего не знали даже люди, живущие в более цивилизованных странах. Поэтому, она не стала уверять его, что её, в самом деле, всему обучил отец, а раскрыла свою последнюю тайну:

– Нет, мой отец не может так драться, хотя он и прекрасный воин. Этому искусству меня научила мать.

– Ваша матушка? – в голосе лорда прозвучало искреннее изумление. – Как женщина могла воспитать дочь-воина?

– Если эта женщина сама воин по рождению и воспитанию.

– Кто же она?

– Виолка.

Наверное, лорд слышал о виолках – женщинах-воинах – потому что медленно кивнул, и его губы изогнулись в понимающей улыбке.

– Значит, вы дочь женщины-воительницы и капитана отряда сопровождения... Теперь мне многое понятно...

Он отвернулся и пошёл прочь, не став дальше развивать свою мысль.

После возвращения в замок, лорд словно забыл о девушке. Он не общался с ней, как прежде – не звал на прогулки, обеды, вечерние беседы у камина за кубком лёгкого вина. Вообще не показывался на глаза и никак не напоминал о себе – словно старался избегать. Элайна не знала, что повлияло на Флораса, изменив его отношение к ней, но догадывалась, что виноват в этом их краткий разговор после боя с пиратами.

Элайна обладала редкой женской добродетелью – терпением. Она не стала торопить события и навязывать лорду своё присутствие, дав ему время всё осмыслить и самому принять решение. Она продолжала вести жизнь, которую вела до сближения с Флорасом: занималась со служанками вышивкой, играла на китане, разучивала танцы, гуляла в галерее-саду или замку. Челядь уже воспринимала её едва ли не как госпожу и хозяйку, видя её взаимоотношения с господином. Вся прислуга с нетерпением ожидала скорой свадьбы и была уверена, что госпожа Элайна, в самое ближайшее

время, станет леди Туарийской.

Так прошло ещё, примерно, две декады. Внезапно лорд прислал слугу с приказом: красиво одеться и прийти в Большой церемонный зал, используемый для особых торжеств или приёма заморских делегаций. Элайна не знала, что случилось, так как всё утро пробыла в своих комнатах в компании Ины и Роны и никуда не выходила. Но требование лорда не встревожило её – в отличие от первых дней пребывания, она уже не опасалась всесильного повелителя Туару.

Быстро одевшись и приведя себя в самый лучший вид, последовала за Адрисом.

Войдя в Большой зал, Элайна заметила несколько человек, стоявших под стенами. Некоторых она знала, других нет. Лорд восседал на возвышении, в кресле, застеленном мягким красным ковром. Вокруг возвышения стояли воины в торжественном облачении. Слева, у стены, стояли доктор Эдир и ещё несколько приближённых лорда, а напротив, у правой стены, несколько незнакомцев, одетых в необычные, но показавшиеся смутно знакомыми, одежды. От дверей девушка не смогла рассмотреть их лица, да и не стала пялиться на чужаков – какое ей до них дело! Приблизившись к возвышению, вежливо поклонилась и произнесла:

– Я пришла на ваш зов, милорд, вы хотели меня видеть?

Флорас посмотрел на девушку холодным равнодушным взглядом, словно видел впервые, и сухо произнёс:

– Сударыня, ко мне обратились два человека, которые

утверждают, что они ваши ближайшие родственники... Они привезли пятьдесят тысяч лорсов выкупа, которые я за вас требовал. Поэтому, я не имею больше причины задерживать вас здесь... Но один из этих людей утверждает, что он ваш законный супруг барон Хаскетт, а вы, соответственно, его супруга по закону и перед богом, баронесса Хаскетт. Он также утверждает, что вы убежали от него, пренебрегая долгом и супружескими обязанностями. Вы никогда не говорили мне, что вы замужем, поэтому я подозреваю этого человека во лжи. Посмотрите на него и скажите перед этим благородным собранием, говорит ли он правду или всё выдумал с какой-то неизвестной нам целью.

Лорд подал знак и от группы людей у правой стены отделился человек и сделал несколько шагов вперёд. Элайна повернулась и увидела красивого мужчину, одетого в кожаный, отделанный мехом костюм и кожаный шлём, украшенный пушистым хвостом лэя. С его плеч свисал синий плащ из тонкой шерсти. На девушку смотрели прищуренные серые холодные глаза, и взгляд этот показался до боли знаком... В голове Элайны, внезапно, словно распахнулась какая-то дверь, и воспоминания бурным потоком хлынули в неё. Она вспомнила всё, что случилось после похищения на Торговом пути и до злосчастного шторма, выкинувшего её на берег Туару. Под грузом внезапных сильных и неконтролируемых воспоминаний у девушки закружилась голова, она пошатнулась и рухнула на пол. К ней тут же поспешил доктор Эдир,

но Элайна уже перевела дыхание и смогла подняться без посторонней помощи.

– Амарис... – прошептала она.

– Да, это я, неблагодарная женщина. Я рад, что вы признали меня, и не унизились до жалкой лжи.

Элайна гордо выпрямилась и презрительно посмотрела на барона.

– Я забыла вас и была счастлива эти несколько месяцев. Было бы намного лучше, если бы вы вовсе не напоминали мне о своём существовании.

Холодные глаза Хаскетта потемнели от гнева.

– Вы покинули меня, опозорив перед соседями и друзьями, и моя обязанность вернуть вас домой... Я уплачу лорду Туарийскому любую сумму, которую он потребует, чтобы только примерно наказать вас! Вы стали моей супругой добровольно, Элайна, и этим возложили на себя обязанности, которые должны выполнять.

– Добровольно! – воскликнула в ярости девушка. – Не говорите мне о добровольности! Если бы не мой отец, которого вы держали как заложника, я предпочла бы кинуться в пропасть, а не стать с вами под венец!

Амарис слегка побледнел, но изменил тон и заговорил более дружелюбно:

– Не я придумал наши обычаи и не мне их менять. Но вы всё же стали моей супругой и дали клятву перед алтарём. Разве я не любил вас или был плохим супругом? Я потакал

всем вашим прихотям, а вы опозорили меня перед соседями.

Элайна промолчала, потому что в словах Амариса была доля правды. Она повернулась и взглянула на безмолвно восседавшего на троне лорда Туарийского. Он перехватил её взгляд и спросил:

– Так вы признаёте, что это ваш законный супруг, сударыня?

– Да, признаю... – неохотно ответила девушка.

– Так как он привёз выкуп в срок и в полном объёме, то я вас больше не держу. Вы можете вернуться с ним домой, взяв с собой всё, что принадлежит вам на этот момент... – Лорд секунду помолчал и добавил. – Если вы, действительно, этого хотите, сударыня.

Элайна посмотрела на холодный металл маски, скрывавший изуродованное лицо лорда, а затем перевела взгляд на красивое гордое лицо Амариса. Она могла вернуться с ним в Ледеберг и иметь красавца-супруга, стать хозяйкой бароната и оставаться горной баронессой Хаскетт. А могла остаться с Флорасом, у которого ужасное лицо, но прекрасная душа. Выбор был труден, очень труден, но Элайна колебалась недолго. Она опустила на колени и, глядя на блестящий металл маски, произнесла:

– Я согласна всю жизнь оставаться вашей пленницей, согласна стать вашей покорной рабой, милорд, но не прогоняйте меня от себя! Я не желаю возвращаться домой и снова становиться баронессой Хаскетт. Я Элайна Олайн и соглас-

на оставаться нею до конца моих дней, если мне так будет суждено.

По залу прокатился лёгкий удивлённый гул, а затем, по повелительному жесту лорда, наступила мёртвая тишина. У Амариса от удивления отвисла челюсть, а лицо порозовело, то ли от стыда, то ли от гнева. Флорас смотрел на колено-преклонённую девушку, и холодные глаза его не выражали ничего. Элайна даже испугалась, что он откажется от неё и всё-таки примет выкуп.

Лорд медленно поднялся, выдержал напряжённую паузу и громко произнёс:

– Сделка отменяется!

– Вы не можете так поступить, она моя супруга! – воскликнул Амарис.

Лорд повернулся к нему и спокойно ответил:

– Я тоже имею виды на эту женщину. У нас есть три выхода: либо вы добровольно отпускаете её, либо я плачу вам выкуп за её свободу, либо мы сразимся в поединке, и она достанется победителю. Что выбираете, сударь?

Амарис посмотрел на Элайну, окинул лорда оценивающим взглядом, и вдруг улыбнулся.

– Наверное, я заслуживаю некоторое вознаграждение за беспокойство и перенесённые унижения...

– Сколько? – кратко спросил лорд.

– Думаю, вы сумели оценить эту женщину по достоинству... Поэтому ваша цена в пятьдесят тысяч меня вполне

устраивает.

Лорд подозвал казначея и приказал принести пятьдесят тысяч. Пока казначей выполнял его распоряжение, лорд вновь опустился в кресло и произнёс:

– Вы получите требуемую сумму и немедленно покинете мои владения. Если когда-нибудь вы ещё раз осмелитесь появиться на Туару, вы будете немедленно казнены.

Лорд замолчал и молчал до того момента, пока казначей не вернулся с деньгами.

– Вот запрошенная вами сумма. Берите деньги и немедленно уходите. У вас два часа на то, чтобы добраться до корабля и отплыть от острова. Господин Хэррис, проследите, чтобы барон Хаскетт и его люди без задержки покинули мои владения.

Капитан гвардейцев выступил вперёд и окинул Амариса суровым взглядом. Амарис подал знак двум своим дружинникам, они подхватили сундук с деньгами и поспешили к выходу. От стены отделился пожилой мужчина и направился к возвышению. Услышав знакомые прихрамывающие шаги, Элайна обернулась и увидела отца.

– Папа! – радостно воскликнула она, бросаясь в объятия родителя.

– Девочка моя... – прочувствованно произнёс капитан Олайн, прижимая дочь к груди.

Лорд Туарийский спустился с возвышения и приблизился к обнимающейся паре. Подождав, пока они разомкнут объ-

тия, произнёс:

– Раз уж здесь находится ваш отец, сударыня, я хочу воспользоваться случаем и просить у него вашей руки... Господин капитан, согласны ли вы отдать за меня вашу дочь Элайну?

Капитан посмотрел на смутившуюся дочь и ответил:

– Если она согласна стать вашей супругой, я не имею возражений.

Лорд повернулся к девушке.

– Госпожа Элайна, согласны ли вы стать моей супругой добровольно и без какого-либо принуждения с моей или какой-либо другой стороны?

Элайна улыбнулась и ответила:

– Я знала, что мне когда-нибудь придётся ответить на этот вопрос... И хотя я до сих пор считаю, что не готова к замужеству, но вам, милорд, я не могу отказать... Потому что вы мужчина, который сумел покорить моё сердце и пленить душу...

Она подняла руки и сняла шлем с головы Флораса. Лорд не сделал ни единого движения, чтобы остановить её. Элайна привстала на цыпочки, обвила шею лорда руками и прошептала:

– Поцелуйте меня, Флорас, и если мне не понравится, я ещё успею отказаться от данного слова...

Голова лорда склонилась, и его губы, мягко и нежно, коснулись губ девушки, а руки обвили вокруг гибкой талии,

заклучив её в сильные объятия. Шлем выпал из рук Элайны
и, жалобно звеня, покотился по каменным плитам пола.

Конец

СИРена

2010 г.